Информация для цитирования:

Виниченко Ю. В. Бесхозность вещей: de jure vs. de facto // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 225–239. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239.

Vinichenko Y. V. Beskhozyaynost' veshchey: de jure vs. de facto [Ownerlessness of Things: De Jure vs. De Facto]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 40. Pp. 225–239. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239.

УДК 347.232.11

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239

БЕСХОЗЯЙНОСТЬ ВЕЩЕЙ: DE JURE vs. DE FACTO**Ю. В. Виниченко**

Кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46

E-mail: juvinichenko@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2018

Введение: статья посвящена критическому анализу понятия «бесхозная вещь», актуальность которого обусловлена как дискуссионностью отдельных теоретических аспектов заявленной темы, так и общей социальной значимостью на современном этапе проблемы бесхозности вещей. **Цель:** на основе анализа законодательных и доктринальных положений, судебных материалов сформировать представление о бесхозности вещей, которое согласовывалось бы с иными положениями действующего законодательства и позволяло решать вопросы, возникающие в связи с определением судьбы бесхозных вещей на практике. **Методы:** формально-логический, исторический, сравнительный, догматический; часть выводов основана на применении функционального подхода. **Результаты:** легальное определение, содержащееся в норме п. 1 ст. 225 ГК РФ и связывающее бесхозность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее, не согласуется с рядом иных нормативных положений (в частности, абз. 2 ст. 236 ГК РФ) и не отвечает потребностям современного общества, поскольку предполагает констатацию только юридической бесхозности определенной вещи, сохраняя неопределенность в вопросах ее содержания, ремонта, юридической ответственности вследствие ее вредоносного воздействия. **Выводы:** бесхозность вещи следует понимать как фактическое состояние вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором эта вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Соответственно, вещь, имеющая владельца, не должна рассматриваться в качестве бесхозной. Помимо прочего, подобное понимание согласуется и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (фактическом отношении) и его защите.

Ключевые слова: бесхозная вещь; бесхозность вещи; государственный учет бесхозной недвижимости; брошенные вещи; дереликция; основания приобретения права собственности; владение; приобретательная давность; юридическая ответственность; гражданский оборот

© Виниченко Ю. В., 2018

Information for citation:

Vinichenko Y. V. Beskhozyaynost' veshchey: de jure vs. de facto [Ownerlessness of Things: De Jure vs. De Facto]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 40. Pp. 225–239. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239.

UDC 347.232.11

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-225-239

OWNERLESSNESS OF THINGS: DE JURE vs. DE FACTO**Y. V. Vinichenko**

Baikal State University
11, Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018

Articles in DB “Scopus” / “Web of Science”:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46

E-mail: juvinichenko@mail.ru

Received 30.04.2018

Introduction: the article presents critical analysis of the concept “ownerless thing”, which is of topical interest due to the controversial nature of some theoretical aspects of the subject as well as due to the general social significance of the problem of ownerless things at present.

Purpose: based on the analysis of legal and doctrinal provisions and case materials, to develop a concept of ownerless things which would conform with other provisions of the current legislation and would make it possible to solve problems arising in connection with determining the future of ownerless things in practice. **Methods:** formal-logical, historical, comparative, dogmatic; some of the inferences are based on the functional approach. **Results:** the legal definition included in the rule of Cl. 1 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation and connecting ownerlessness of a thing solely with the question of the right of ownership to it fails to correspond with some other rules and regulations (in particular, par. 2 Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation) and fails to comply with the needs of modern society, as it only assumes the statement of the legal ownerlessness of a certain thing, with vagueness in questions of its keeping, maintaining, repairing and legal responsibility in case of its harmful impact. **Conclusions:** ownerlessness of a thing ought to be understood as de facto state of this thing, without regard to the right of ownership to it, under which condition, the thing is in possession of nobody and (or) it has no claim from a certain person. Therefore, a thing which has its owner cannot be considered an ownerless one. Moreover, such understanding corresponds with the intended legislative consolidation of the provisions on possession as de facto and its defense in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: ownerless thing; ownerlessness of things; state registration of ownerless immovable property; abandoned property items; dereliction; grounds for the acquisition of the right of ownership; possession; acquisitive prescription; liability; civil circulation

© Vinichenko Y. V., 2018

OWNERLESSNESS OF THINGS: DE JURE vs. DE FACTO

Y. V. Vinichenko

Baikal State University
11, Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018
Articles in DB “Scopus” / “Web of Science”:
DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Received 30.04.2018

Introduction: the article presents critical analysis of the concept “ownerless thing”, which is of topical interest due to the controversial nature of some theoretical aspects of the subject as well as due to the general social significance of the problem of ownerless things at present. **Purpose:** based on the analysis of legal and doctrinal provisions and case materials, to develop a concept of ownerless things which would conform with other provisions of the current legislation and would make it possible to solve problems arising in connection with determining the future of ownerless things in practice. **Methods:** formal-logical, historical, comparative, dogmatic; some of the inferences are based on the functional approach. **Results:** the legal definition included in the rule of Cl. 1 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation and connecting ownerlessness of a thing solely with the question of the right of ownership to it fails to correspond with some other rules and regulations (in particular, par. 2 Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation) and fails to comply with the needs of modern society, as it only assumes the statement of the legal ownerlessness of a certain thing, with vagueness in questions of its keeping, maintaining, repairing and legal responsibility in case of its harmful impact. **Conclusions:** ownerlessness of a thing ought to be understood as de facto state of this thing, without regard to the right of ownership to it, under which condition, the thing is in possession of nobody and (or) it has no claim from a certain person. Therefore, a thing which has its owner cannot be considered an ownerless one. Moreover, such understanding corresponds with the intended legislative consolidation of the provisions on possession as de facto and its defense in the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: ownerless thing; ownerlessness of things; state registration of ownerless immovable property; abandoned property items; dereliction; grounds for the acquisition of the right of ownership; possession; acquisitive prescription; liability; civil circulation

Введение

Представляется бесспорным, что правовые понятия, категории, конструкции, нормы и институты, оказываясь время от времени в центре внимания правоведов, получают свою доктринальную разработку в соответствии с социально-экономическими, идеологическими и иными условиями и потребностями современного исследователю общества и государства. Вследствие изменения социального контекста вновь актуализируются отдельные вопросы, в том числе те, которые, возможно, ранее уже становились предметом научного анализа.

Данное замечание в полной мере относится и к проблеме бесхозяйности вещей. Так, дореволюционные отечественные цивилисты, увлеченные «еще, – по замечанию Д. И. Мейера, – римским правом» [11, с. 384], рассматривали бесхозяйные вещи (именуя их также «бесхозными») сообразно догме древнеримского частного права преимущественно в рамках вопроса о завладении как первоначальном способе приобретения права собственности и относили к таким вещам, в частности, открытые для свободного завладения рыбу в водоемах, раковины, лесные плоды, диких животных, а также клад, потерянные и «покинутые» кем-то

Information in Russian

БЕСХОЗЯЙНОСТЬ ВЕЩЕЙ: DE JURE vs. DE FACTO

Ю. В. Виниченко

Кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского права и процесса
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
ORCID: 0000-0003-0533-6526
ResearcherID: C-7181-2018
Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).661-673
DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).844-849
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-4-34-46
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2018

Введение: статья посвящена критическому анализу понятия «бесхозяйная вещь», актуальность которого обусловлена как дискуссионностью отдельных теоретических аспектов заявленной темы, так и общей социальной значимостью на современном этапе проблемы бесхозяйности вещей. **Цель:** на основе анализа законодательных и доктринальных положений, судебных материалов сформировать представление о бесхозяйности вещей, которое согласовывалось бы с иными положениями действующего законодательства и позволяло решать вопросы, возникающие в связи с определением судьбы бесхозяйных вещей на практике. **Методы:** формально-логический, исторический, сравнительный, догматический; часть выводов основана на применении функционального подхода. **Результаты:** легальное определение, содержащееся в норме п. 1 ст. 225 ГК РФ и связывающее бесхозяйность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее, не согласуется с рядом иных нормативных положений (в частности, абз. 2 ст. 236 ГК РФ) и не отвечает потребностям современного общества, поскольку предполагает констатацию только юридической бесхозяйности определенной вещи, сохраняя неопределенность в вопросах ее содержания, ремонта, юридической ответственности вследствие ее вредоносного воздействия. **Выводы:** бесхозяйность вещи следует понимать как фактическое состояние вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором эта вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица. Соответственно, вещь, имеющая владельца, не должна рассматриваться в качестве бесхозяйной. Помимо прочего, подобное понимание согласуется и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (фактическом отношении) и его защите.

Ключевые слова: бесхозяйная вещь; бесхозяйность вещи; государственный учет бесхозной недвижимости; брошенные вещи; дереликция; основания приобретения права собственности; владение; приобретательная давность; юридическая ответственность; гражданский оборот

Introduction

It appears indisputable that legal concepts, categories, framework, rules and institutes, from time to time becoming the focus of interest for legal scholars, get their doctrinal development in conformity with socioeconomic, ideological and other conditions and needs of the modern society and state. Consequently, changes in the social context make particular issues go to the foreground, including those which may have been the subject of the scientific analysis before.

This observation fully concerns the problem of ownerlessness of things as well. Pre-revolutionary Russian specialists in civil law, being still enthusiastic about Roman law, as D. I. Meyer mentions [11, p. 384], considered ownerless things (also known as “waif”) in accordance with the legal thought of the ancient Roman private law, basically within the scope of the issue of gaining possession as a primary method of acquisition of title, and included in this category, in particular, fish in water bodies, shells, forest fruits,

вещи (см., например, [4, с. 305 и след.; 8, с. 269; 14, с. 306, §§ 51–55; 20, с. 253–262]) (относительно последних отмечалось, что на завладении ими «основывается немаловажный промысел тряпичников» [20, с. 254])¹. Что касается

¹ Аналогичным является восприятие бесхозных вещей и в отдельных современных зарубежных правовых порядках. В частности, в Германском Гражданском уложении (далее – ГГУ) правила о бесхозных вещах, обозначаемых термином «*herrenlose Sache*», помещены в подр. 5 «Присвоение» разд. 3 «Присвоение и утрата права собственности на движимые вещи» кн. 3 «Вещное право». Правило п. 1 § 958 ГГУ гласит, что любой, кто принимает бесхозную движимую вещь во владение как собственник, приобретает на нее право собственности («*Wer eine herrenlose bewegliche Sache in Eigenbesitz nimmt, erwirbt das Eigentum an der Sache*»). Доступ к оригинальному тексту ГГУ [Bürgerliches Gesetzbuch] на сайте Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE099002377> (дата обращения: 20.12.2017)). Нормы § 560 ГГУ посвящены диким животным, которые считаются бесхозными в то время, в течение которого они находятся на свободе; особо указано, что прирученное животное становится бесхозным, если оно утратит привычку возвращаться в предназначенное для него место («*Wilde Tiere sind herrenlos, solange sie sich in der Freiheit befinden*»; «*Ein gezähmtes Tier wird herrenlos, wenn es die Gewohnheit ablegt, an den ihm bestimmten Ort zurückzukehren*»). В соответствии с § 959 ГГУ, движимая вещь становится бесхозной, если ее собственник прекращает владение вещью с намерением отказаться от права собственности на нее («*Eine bewegliche Sache wird herrenlos, wenn der Eigentümer in der Absicht, auf das Eigentum zu verzichten, den Besitz der Sache aufgibt*»). С оккупацией (завладением) связывают категорию бесхозного имущества – «*biens vacants*» – и во Франции. При этом бесхозное имущество интерпретируется как имущество без хозяина, т. е. больше не принадлежащее лицам, либо потому, что собственник отказался от него, либо потому, что собственник умер, не оставив наследника («*Biens vacants: biens sans maître, c'est-à-dire qui n'appartiennent plus à personnes, soit parce que le propriétaire les a abandonnés, soit parce que le propriétaire est décédé sans laisser d'héritier*» [21, р. 754]). В Гражданском кодексе Франции (далее – ФГК) соответствующее выражение («*les biens qui n'ont pas de maître appartenent*») используется в ст. 713, устанавливающей, что бесхозное имущество принадлежит коммуне, на территории которой оно находится, и если коммуна откажется реализовать свои права, в конечном счете право собственности на него в силу закона переходит к государству (буквально правило данной статьи гласит: «*Les biens qui n'ont pas de maître appartiennent à la commune sur le territoire de laquelle ils sont situés. Par délibération du conseil municipal, la commune peut renoncer à exercer ses droits, sur tout ou partie de son territoire, au profit de l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre dont elle est membre. Les biens sans maître sont alors réputés appartenir à l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre. Toutefois, la propriété est transférée de plein droit à l'Etat si la commune renonce à exercer ses droits en l'absence de délibération telle que définie au premier alinéa ou si l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre renonce à exercer ses droits*»). Доступ к оригинальному тексту ФГК [Code civil] на сайте: Légifrance, le service public de l'accès au droit. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20150924&cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата

недвижимых вещей, включая земельные участки, то благодаря Генеральному межеванию, начатому в России с издания 19 сентября 1765 г. Высочайшего манифеста о генеральном размежевании земель во всей Империи и оцененного как «забота правительства о приведении в известность имуществ бесхозных» [14, с. 457], правовая неопределенность в отношении данной категории вещей была значительно преодолена, однако ввиду «изобилия земель, пусть лежащих, напр., в Сибири, в Томской и Иркутской губерниях», обширных пространств России [14, с. 458–459] не устранена вовсе, в связи с чем возможность завладения пустующими земельными участками допускалась, но связывалась учеными с институтом давностного владения.

Свои нюансы имела интерпретация понятия «бесхозные вещи» в так называемый советский период. В частности, в первые годы власти Советов весьма характерным «для эпохи военного коммунизма с ее потребительскими коммуналами, распределительными органами и пр.» признавалось первое в советском праве определение бесхозного имущества, содержащееся в декрете Совета народных комиссаров от 3 ноября 1920 г., определяющее это имущество как

обращения: 20.12.2017)). Ранее, до внесения изменений в ФГК в 2004 г., о бесхозном имуществе говорилось также в ст. 539 ФГК, в которой указывалось, что любое невестребованное и бесхозное имущество, а также то, что принадлежит умершим, не оставившим наследников, или наследники которых от него отказались, является публичной собственностью государства. Во французской юридической литературе в данной связи отмечается, что, прочитав статьи 539 и 713, согласно которым имущество, которое не имеет хозяина, принадлежит государству, можно подвергнуть сомнению, что существует имущество, которое никому не принадлежит (а завладение заключается в овладении вещью, которая не принадлежит никому, с намерением сделаться ее собственником), однако указывается, что на самом деле эти тексты касаются только недвижимого имущества и наследования. Таким образом, остается одна область применения завладения – оккупация движимого имущества, которое никогда не имело хозяина, и движимого имущества, оставленного его собственником («*L'occupation consiste dans le fait de prendre possession d'une chose qui n'appartient à personne avec l'intention de s'en rendre propriétaire. Y a-t-il des biens qui n'appartiennent à personne? On pourrait en douter à la lecture des articles 539 et 713, suivant lesquels les biens qui n'ont pas de maître appartiennent à l'État. Les biens auraient donc toujours un propriétaire qui, à défaut de tout autre, serait l'État. Mais, en réalité, ces textes ne visent que les immeubles et les successions. Il reste donc un domaine d'application à l'occupation. Occupation des meubles qui n'ont jamais eu de maître... Occupation des meubles abandonnés par leur maître*» [21, pp. 301–302]). Исходя из этого, к нормам о бесхозных вещах (завладении ими) в ФГК следует отнести также правила ст. 715 о праве охоты и рыбной ловли, ст. 717 о морских продуктах, ст. 716 о кладе, расположенных в разд. «Общие положения» кн. 3 «О различных способах приобретения права собственности».

wild animals open for free acquisition, as well as treasure troves, things lost and “abandoned” by someone¹ [see, for instance: 4, p. 305 and the next

¹ Contemporary foreign rules of law have similar understanding of ownerless things. In particular, the rules on ownerless things denoted by the term “*herrenlose Sache*” are contained in Subsection 5 “Acquisition” Section 3 “Acquisition and Loss of Ownership of Movable Things” Book 3 “Property Law” of the German Civil Code. The Rule of Clause 1 § 958 of the German Civil Code states that anyone who takes possession of ownerless movable things as their owner acquires title to them (“*Wer eine herrenlose bewegliche Sache in Eigenbesitz nimmt, erwirbt das Eigentum an der Sache*”). Access to the original text of the German Civil Code [Bürgerliches Gesetzbuch] is on the site Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. Available at: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE099002377> (accessed 20.12.2017). The regulations of § 560 of the German Civil Code concern wild animals, which are considered ownerless while they are in the wild; it is specified that a domesticated animal becomes ownerless if it loses the habit of returning to the place intended for it (“*Wilde Tiere sind herrenlos, solange sie sich in der Freiheit befinden*”; “*Ein gezähmtes Tier wird herrenlos, wenn es die Gewohnheit ablegt, an den ihm bestimmten Ort zurückzukehren*”). According to § 959 of the German Civil Code, movable things become ownerless if their owner stops owning the thing with intent to surrender legal title to it (“*Eine bewegliche Sache wird herrenlos, wenn der Eigentümer in der Absicht, auf das Eigentum zu verzichten, den Besitz der Sache aufgibt*”). The category of ownerless property – “*biens vacants*” – is connected with occupancy (acquisition) in France too. In this respect, ownerless property is considered as property without an owner, which does not belong to persons either because the owner has renounced it or because the owner died without leaving an heir. (“*Biens vacants: biens sans maître, c'est-à-dire qui n'appartiennent plus à personnes, soit parce que le propriétaire les a abandonnés, soit parce que le propriétaire est décédé sans laisser d'héritier*” [21, p. 754]). The respective expression (“*les biens qui n'ont pas de maître appartiennent*”) is used in Art. 713 of the French Civil Code, which states that ownerless property belongs to the community in whose territory it is situated, and if the community refuses to exercise the right, the title eventually passes to the state by virtue of law (the regulation of the article literally states the following: “*Les biens qui n'ont pas de maître appartiennent à la commune sur le territoire de laquelle ils sont situés. Par délibération du conseil municipal, la commune peut renoncer à exercer ses droits, sur tout ou partie de son territoire, au profit de l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre dont elle est membre. Les biens sans maître sont alors réputés appartenir à l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre. Toutefois, la propriété est transférée de plein droit à l'Etat si la commune renonce à exercer ses droits en l'absence de délibération telle que définie au premier alinéa ou si l'établissement public de coopération intercommunale à fiscalité propre renonce à exercer ses droits*”). Access to the original text of the French Civil Code [Code civil] is on the site: Légifrance, le service public de l'accès au droit. Available at: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20150924&cidTexte=LEGITEXT000006070721> (accessed 20.12.2017). Earlier, before the amendments were introduced into the French Civil Code in 2004, ownerless property was also mentioned in Art. 539 of the French Civil Code, which stated that any unclaimed and ownerless property, as well as property which belongs to the deceased who have not left heirs or the heirs of whom have renounced it, is considered the public domain of the state. In this regard, it is mentioned in the French

one; 8, p. 269; 14, p. 306, §§ 51–55; 20, pp. 253–262] (as far as the latter are concerned, it was mentioned that a significant trade of ragmen was based on acquisition [20, p. 254]). As far as immovable things, including land plots, are concerned, as a consequence of Ordnance survey, which began with publishing of the Imperial proclamation on ordnance survey throughout the Empire in Russia on September 19, 1765, estimated as “the government’s care of making ownerless property public” [14, p. 457], legal uncertainty with regard to this category of things was reduced significantly, however, due to ‘the abundance of land, though situated, for instance, in Siberia, in Tomsk and Irkutsk governorates’, vast spaces of Russia [14, pp. 458–459], was not eliminated completely, for which reason the possibility of acquisition of vacant lands was acceptable, but it was attributed to the institute of prescriptive ownership by scholars.

Understanding of the “ownerless things” notion had its peculiarities in the so called Soviet period. In particular, during the early years of the Soviet regime, the first definition of ownerless property in Soviet law in the decree of the Council of People’s Commissars of November 3, 1920, defining this property as “property which is in no-one’s ownership or is in ownership of certain bodies without the knowledge of the respective central distributing body”, was considered quite typical

legal literature that after reading Art. 539 and 713, according to which the property which has no owner belongs to the state, one can cast doubt on the fact that there is property which belongs to no-one (and occupancy consists in acquisition of a thing which does not belong to anyone, with intent of becoming its owner) but it is mentioned that these texts actually concern solely real property and succession. Thus, there is only one area left to apply acquisition – occupancy of movable things which have never had an owner, and that of movable things abandoned by their owner. (“*L'occupation consiste dans le fait de prendre possession d'une movable things qui n'appartient à personne avec l'intention de s'en rendre propriétaire. Y a-t-il des biens qui n'appartiennent à personne? On pourrait en douter à la lecture des Art.s 539 et 713, suivant lesquels les biens qui n'ont pas de maître appartiennent à l'État. Les biens auraient donc toujours un propriétaire qui, à défaut de tout autre, serait l'État. Mais, en réalité, ces textes ne visent que les immeubles et les successions. Il reste donc un domaine d'application à l'occupation. Occupation des meubles qui n'ont jamais eu de maître... Occupation des meubles abandonnés parleurmaitre*” [21, pp. 301–302]). Following this line of reasoning, rules of Art. 715 on sporting and fishery right, Art. 717 on seafood, Art. 716 on the treasure trove, found in Section “General Provisions” Book 3 “On Different Methods of Acquisition of Right of Property” should also be referred to regulations on ownerless things (their acquisition) in the French Civil Code.

«не находящееся ни в чьем обладании или находящееся в обладании определенных органов без ведома об этом соответствующего центрального распределительного органа» (см. [5, с. 728]). При этом отмечалось, что «эта характерная черта ярко проявляется и в примерном перечне видов бесхозяйного имущества: оставленное неприятелем на поле сражения, трофеи, эвакуированное без указания адресата ... имущество, фактически оставленное его владельцем, пребывающим в безвестном отсутствии, а также имущество, владелец коего неизвестен и не может быть установлен» [5, с. 728–729]. Очевидно, что речь шла исключительно о движимых вещах.

С принятием Гражданского кодекса РСФСР (далее – ГК РСФСР) 1922 г.¹ понятие бесхозяйного имущества сначала было сужено: норма ст. 68 первоначальной редакции Кодекса устанавливала, что «имущество, собственник которого неизвестен (бесхозяйное имущество), переходит в собственность государства в порядке, установленном специальным законом»; однако уже три года спустя (в редакции ГК РСФСР от 7 декабря 1925 г.) расширена за счет причисления к бесхозяйному также имущества, которое не имеет собственника².

В последующих отечественных законодательных актах определение бесхозяйного имущества осталось аналогичным (см.: ст. 32 Основ гражданского законодательства 1961 г.³, ст. 143 ГК РСФСР 1964 г.⁴); менялось лишь идеологическое обоснование. Так, в начале 90-х годов XX в. проблему бесхозяйного имущества связывали с таким «стержнем экономической политики», отмеченным в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, как «умение полностью, целесообразно использовать все, что у нас есть» (см. [18, с. 1]), и в числе разновидностей бесхозяйного имущества указывали уже несколько иные

виды вещей: затонувшее имущество, невооруженный багаж, завалявшееся имущество, бездокументарный груз и др. (см. [18, с. 10–12]). В учебной юридической литературе делался акцент на то, что, по советскому праву, правило *res nullius cedit primo occupant* (если вещь никому не принадлежит, собственником вещи становится тот, кто первый ею завладеет) имеет значение при рыбной ловле, охоте, сборе ягод, грибов, «но здесь происходит не захват никому не принадлежащего имущества, а переход в порядке, установленном законом, государственного имущества в собственность отдельных лиц. Только в этом случае можно говорить о завладении как способе первоначального приобретения права собственности в советском гражданском обороте» [7, с. 398].

На современном этапе развития российского общества проблема бесхозяйности вещей обретает новое звучание: вследствие целой череды политических и социально-экономических событий, имевших место в нашем государстве (смены политико-экономической формации и последовавшей за этим приватизации, в том числе научно-исследовательских, проектных и изыскательских организаций, колхозной и совхозной собственности, объектов коммунального хозяйства; ряда известных финансовых кризисов и др.), многие объекты, на которых когда-то осуществлялась экономическая и иная деятельность, по причине низкой рентабельности и ликвидности таких объектов, при отсутствии необходимой и привычной государственной поддержки, как следствие – финансовой несостоятельности их собственников, на сегодняшний день оказались в ветхом состоянии либо полной разрухе и запустении. Сопряженные с наличием таких объектов риски причинения вреда окружающей среде вызвали оправданную озабоченность и интерес специалистов в области экологического права⁵, анализирующих понятие бесхозяйных объектов в контексте проблемы ликвидации накопленного вреда окружающей среде (см., например, [6]). Не менее остро встали вопросы о бремени содержания, ремонта и юридической ответственности за вредоносное воздействие, о налогообложении и бухгалтерском учете таких бесхозяйных объектов, как электрические, тепловые,

“for the epoch of War Communism with its consumer communes, distributing bodies, etc. [see: 5, p. 728]. It was also mentioned that “This feature is most pronounced in the preliminary list of ownerless property types too: things abandoned by the enemy on the battle field, booty, towed away without an address... property actually abandoned by its owner, whose whereabouts are unknown and who cannot be identified” [5, pp. 728–729]. Obviously, it was referred solely to movable things.

After the introduction of the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1922¹, the notion of ownerless property was narrowed first: the regulation of Art. 68 of the original code stated that “property whose owner is unknown (ownerless property) passes into the ownership of the state in accordance with the procedures established by the specific law”; however, three years later (as in force in the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of December 7, 1925) was broadened by considering ownerless also the property which has no owner².

The definition of ownerless property remained the same in the further Russian legislative acts (see: Art. 32 of the Basics of Civil Legislation of 1961³, Art. 143 of the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1964⁴); the only thing to be changed was the ideological substantiation. For instance, at the beginning of the 1990s, the problem of ownerless property was associated with such “core of the economic policy” mentioned in the Summary report of Central Committee of the Communist Party of the USSR to Congress XXVI as “an ability to use everything we have fully and

efficiently” [see: 18, p. 1] and slightly different kinds of things were already mentioned among the varieties: sunken property, unclaimed baggage, property barred by limitation, uncertificated cargo and others [see: 18, pp. 10–12]. It is emphasized in the legal educational literature that according to the Soviet law, the rule *res nullius cedit primo occupant* (if a thing does not belong to anyone, the first person to gain possession of it becomes its owner) is significant when fishing, hunting, picking berries and mushrooms, “but it is not occupancy of ownerless property to take place here, but transfer of state-owned property into individuals’ ownership under the procedure established by law. Only in this case, one can speak of occupancy as a method of original acquisition in the Soviet civil circulation” [7, p. 398].

At the contemporary stage of the development of Russian society, the problem of ownerlessness of things gets new understanding: due to a series of political and socioeconomic events, which took place in our state (the change of political-economic formation and the following privatization, including that of scientific research, engineering companies and survey contractors, collective farm and state farm property, community facilities; a series of famous financial crises, etc.) a lot of facilities, on the basis of which economic and other kinds of activity were carried out, are now in the state of dilapidation, utter desertion and are falling in ruins due to their low profitability and liquidity in the absence of necessary and usual support of the state, and, as a consequence, financial insolvency of their owners. Risks of inflicting harm to the environment related to the presence of such facilities sparked justified concern and interest of specialists in the field of environmental law⁵, analyzing the notion of ownerless facilities within the framework of the problem of liquidation of the accumulated harm for the environment [see, for instance: 6]. Also, the dramatic issues of disutility of maintenance, reconstruction and liability for harmful influence, taxation and registration of such ownerless facilities as

¹ О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. (вместе с Гражданским кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 71, ст. 904 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Буквально норма ст. 68 ГК РСФСР в указанной редакции гласила: «Бесхозяйное имущество, собственник которого неизвестен или которое не имеет собственника, переходит в собственность государства в порядке, установленном специальными законами» [5, с. 729].

³ Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс]: Закон СССР от 8 дек. 1961 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1961. № 50, ст. 525 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: утв. Верхов. Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Благодаря им Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») был дополнен гл. XIV.1. «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде» (изменения введены федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 254-ФЗ), в формулировке нормы ст. 80.1 которой используется выражение «бесхозяйные объекты капитального строительства».

¹ On Enforcement of the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 11 November, 1922 (together with the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic). *Code of Justice of the Russian Soviet Federative Socialist Republic*. 1922. No. 71. Art. 904 (void). Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

² The regulation of Art. 68 of the Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic is literally read as follows: “Ownerless property whose owner is unknown or which has no owner comes into the state’s possession in accordance with the procedure established by specific laws” [5, p. 729].

³ On Approval of the Fundamental Principles of Civil Legislation of the USSR and Union Republics: Law of the USSR of December 8, 1961. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1961. No. 50. Art. 525 (void). Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

⁴ Civil Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: enacted by the Supreme Soviet of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on June 11, 1964. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1964. No. 24. Art. 407 (void). Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

⁵ Due to the efforts of which, the Federal Law No. 7-FZ “On Protection of the Environment” of January 10, 2002 (access from the legal reference system “ConsultantPlus”) was supplemented with Chapter XIV.1. “Liquidation of Accumulated Harm to the Environment” (amendments introduced by the Federal Law No. 254-FZ of July 3, 2016), with Art. 80.1 containing the expression “ownerless facilities of major construction”.

водопроводные и канализационные сети (см., например, [13; 17]).

Указанные обстоятельства позволяют констатировать, что проблема бесхозяйности вещей, продолжительное время получавшая теоретическую разработку цивилистами, в настоящее время обретает междисциплинарный характер, попадая в предметное поле и иных отраслей науки. При этом последние исходят из того понимания бесхозяйных вещей, которое выработано гражданско-правовой доктриной и ныне закреплено в ст. 225 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ).

Однако в данной связи возникает вопрос о том, насколько «пригодно» имеющееся легальное определение понятия бесхозяйной вещи, получившее закрепление в отечественном гражданском законодательстве более 20 и уточненное около 10 лет назад², для решения тех задач, которые существуют на практике сегодня. Современные российские ученые данный вопрос обходят молчанием, критическому анализу собственно понятие «бесхозяйная вещь», как правило³, не подвергают, верификацию его соответствия актуальной познавательной ситуации не предпринимают.

Устранить данный пробел в современном учении о бесхозяйности вещей и призвана настоящая работа.

I. «Бесхозяйная вещь»: de jure

Легальное определение бесхозяйной вещи содержится в норме п. 1 ст. 225 ГК РФ, в соответствии с которой, повторим, «бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права соб-

ственности на которую собственник отказался»⁴. Данное определение позволяет сделать ряд выводов:

– во-первых, о законодательном признании наличия *трех групп* (видов) бесхозяйных вещей: 1) вещей, которые не имеют собственника, 2) вещей, собственник которых неизвестен и 3) вещей, от права собственности на которые собственник отказался;

– во-вторых, о том, что под «хозяином» вещи отечественный законодатель имеет в виду только *собственника* вещи.

Анализ положений о бесхозяйных вещах в системной связи с иными установлениями ГК РФ (помещение законодателем соответствующих норм в гл. 14 ГК РФ «Приобретение права собственности», а не в гл. 6 «Общие положения» подраздела 3 Кодекса «Объекты гражданских прав») дает основание для еще одного немаловажного вывода: категория «бесхозяйная вещь» в гражданском праве не столько указывает на существование определенной группы вещей, имеющих особый правовой режим⁵, сколько имеет иное значение, а именно нормы о бесхозяйных вещах *функционально предназначены для правовой регламентации порядка приобретения права собственности*.

В данной связи одним из ключевых с точки зрения интерпретации понятия «бесхозяйная вещь», на наш взгляд, является вопрос о *моменте*, начиная с которого ту или иную вещь *следует считать бесхозяйной*, а именно является ли им момент обнаружения такой вещи либо, для недвижимых вещей, – принятие их на учет Росреестром (п. 3 ст. 225 ГК РФ), либо момент наступления иного юридического факта, в частности судебного решения о признании бесхозяйной движимой вещи, о признании права муниципальной или государственной собственно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

² В первоначальной редакции части первой ГК РФ, принятой 30 ноября 1994 г., норма п. 1 ст. 225 определяла бесхозяйную вещь как «вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, *либо вещь* (курсив наш. – Ю. В.), от права собственности на которую собственник отказался». С принятием Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 30, ч. 1, ст. 3597) приведенное определение было незначительно скорректировано: слова «либо вещь» заменены на выражение «либо, если иное не предусмотрено законами».

³ Исключение составляет, например, статья М. В. Рудова, в которой автор указывает на несогласованность формулировки п. 1 ст. 225 ГК РФ с положениями ст. 234 ГК РФ, отмечая, что имеющийся подход к определению бесхозяйной вещи «в известной степени нивелирует давность владения как основание возникновения права собственности» [16, с. 91].

⁴ Можно заметить, что в ГК РФ в редакции проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого Государственной Думой Федерального Собрания РФ в I чтении 27 апр. 2012 г. (далее – ГК РФ в редакции Проекта) (URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778>) определение бесхозяйной вещи оставлено без изменений (см. п. 4 ст. 240 ГК РФ в редакции Проекта, устанавливающей основные положения о приобретении права собственности). Забегая вперед, отметим, что планируется сохранить и порядок приобретения права собственности на такие вещи (см. в названном акте: ст. 245 «Приобретение права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь», ст. 258 «Приобретение права собственности на бесхозяйные движимые вещи», ст. 250 «Движимые вещи, от которых собственник отказался»).

⁵ То есть порядок регулирования, выраженный «в характере и объеме прав по отношению к объекту» [1, с. 374].

electrical power, heat, water supply and sewerage networks came up [see, for instance: 13; 17].

The above mentioned circumstances let us state that the problem of ownerlessness of things, which has been researched theoretically by specialists in civil law for a long time, is becoming interdisciplinary nowadays, finding its way into the subject field of other sciences. In addition, the latter are based on the notion of ownerless things formulated by the civil doctrine and now formalized in Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation¹.

However, a question arises as to how “appropriate” the existing legal definition of an ownerless thing is to solve the problems actually existing today? It was formalized in Russian civil legislation more than 20 years ago and specified about 10 years ago², Contemporary Russian scientists elide this problem and, as a rule³, do not analyze the very notion of “an ownerless thing” critically and do not make attempts to verify its conformity to the actual epistemic situation.

The present work is aimed at filling this lacuna in the contemporary studies.

I. “An Ownerless Thing”: de jure

The legal definition of an ownerless thing is given in the regulation of Clause 1 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which, we will repeat, “an ownerless thing is a thing which has no owner or whose owner is unknown or, if not specified otherwise by the laws, a thing the owner has surrendered the legal title to”⁴.

¹ The Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of 30 November 1994. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.

² In the original Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation introduced on November 30, 1994, regulation of Clause 1 of Art. 225 defined an ownerless thing as “a thing which has no owner or whose owner is unknown, *or a thing* (italics added–Yu. V.) whose owner has renounced title to it”. With introduction of the Federal Law No. 141-FZ of July 22, 2008 “On Amendments to Separate Legislative Resolutions of the Russian Federation in the Part of Perfection of Land Matters” (Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2008. No. 30 (Part 1), Art. 3597) the given definition was insignificantly changed: the words “or a thing” were substituted with the expression “or, unless otherwise stipulated by laws”.

³ An exception is, for instance, the article by M. V. Rudov, in which the author indicates that there is inconsistency of the formulation of Clause 1 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation with the regulations of Art. 234 of the Civil Code of the Russian Federation, pointing out that the existing approach to the definition of an ownerless thing “to some extent negates acquisitive prescription as substantiation for emergence of title” [16, p. 91].

⁴ One can notice that the definition of an ownerless thing is left without amendments in the Civil Code of the Russian Federa-

The given definition allows us to make a number of conclusions:

– firstly, about the legislative recognition of the existence of *three groups* (types) of ownerless things: 1) things which do not have an owner 2) things whose owner is unknown and 3) things whose owner has surrendered the legal title to;

– secondly, about the fact that Russian legislator means solely the *proprietor* of the thing by “the owner”.

The analysis of the provisions on ownerless things in conjunction with other regulations of the Civil Code of the Russian Federation (the legislator’s decision to place the respective regulations into Chapter 14 of the Civil Code of the Russian Federation “Acquisition of the Right of Ownership” instead of Chapter 6 “General Provisions” of sub-section 3 of the Code “The Objects of Civil Law Rights”) substantiates one more significant conclusion: regulations on ownerless things *are functionally intended for legal regulation of the procedure for title acquisition* rather than for just indicating a certain group of things which have a special legal regime⁵.

In this context, one of the key issues from the point of view of understanding the notion “an ownerless thing”, is, in our opinion, *the moment*, from which a thing *should be considered ownerless* and, namely, whether this moment is when the thing was found, or, in case of immovable things, their registration by the Federal Agency for State Registration (Clause 3 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation), or the moment of any other legal fact taking place, in particular, of a judicial decision to consider an immovable thing ownerless, of recognition of the right of municipal or state ownership

tion in the Draft Federal Law No. 47538-6 “On Amendments into Parts One, Two, Three and Four of the Civil Code of the Russian Federation and also into Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, introduced by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on 27 April 2012 (further – the Civil Code of the Russian Federation in the version of draft law). Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778>) (see Clause 4 Art. 240 of the Civil Code in the version of draft law, establishing the main terms and conditions on acquisition of title). Preempting ourselves, we will mention that it is intended to preserve also the procedure for acquisition of title to such things (see in the mentioned act: Art. 245 “Acquisition of title to ownerless immovable thing”, Art. 258 “Acquisition of title to ownerless movable things”, Art. 250 “Movable Things the Owner Has Renounced”).

⁵ i. e. the procedure of regulation expressed in “nature and scope of rights in relation to the object” [1, p. 374].

сти на бесхозяйную недвижимую вещь (абз. 2 п. 2 ст. 226, абз. 2 п. 3 ст. 225 ГК РФ, гл. 33 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ (далее – ГПК РФ) или истечение установленно-го законом срока (п. 1 ст. 228 и п. 1 ст. 231 ГК РФ). На законодательном уровне данный вопрос не решен; определяется лишь момент возникновения права собственности на такие объекты.

Рассмотрим каждую из групп «бесхозяйных» вещей с указанных позиций.

1. Вещи, которые не имеют собственника

По нашему убеждению, таких вещей на современном этапе развития общества не существует². В частности, вещь, появившаяся в результате деятельности человека, поступает либо в собственность создавшего ее лица, либо в собственность лица, являющегося собственником материала, из которого эта вещь изготовлена. И до тех пор, пока данная вещь будет физически существовать, будет сохраняться и право собственности на нее; со временем будут лишь меняться обладатели этого права. Другой вопрос, что не всегда возможно достоверно установить собственника вещи. Но, полагаем, не вызывает сомнений, что вещь, однажды созданная человеком, переходит затем к его наследникам, а при их отсутствии – к государству, как выморочное; когда вещь подпадает под признаки клада, то право собственности на нее в силу закона может возникнуть у иных лиц.

Отсюда следует, что если и существуют вещи, не имеющие собственника, то ими могут быть лишь такие обладающие потребительной стоимостью объекты материального мира, которые созданы природой. К ним, в частности, можно отнести: землю, воду, растения, животных. Но и они, как показывает анализ современного российского законодательства, не могут быть бесхозяйными. Являющиеся природными ресурсами земля, добытые из недр полезные ископаемые, вода, лес, при отсутствии права частной или муниципальной собственности

на них, принадлежат государству³. Аналогичное правило установлено в отношении животных: дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, являются государственной собственностью⁴; животные, признаваемые плодами, по общему правилу принадлежат собственнику плодоносящей вещи (ст. 136 ГК РФ).

2. Движимые вещи, собственник которых неизвестен⁵

К этой группе можно отнести потерянные вещи, безнадзорных животных, клад.

На наш взгляд, подобные вещи, кроме клада (который изначально презюмируется не имеющим собственника), допустимо рассматривать в качестве бесхозяйных не ранее чем по окончании срока, необходимого для установления собственника вещи либо иного лица, имеющего право получить ее. В соответствии с нормами п. 1 ст. 228 и п. 1 ст. 231 ГК РФ, это шестимесячный срок с момента заявления о находке вещи или о задержании животного в полицию либо в орган местного самоуправления.

В течение данного времени у заинтересованных лиц отсутствуют сведения о собственнике определенной вещи, что, однако, полагаем, не делает эту вещь бесхозяйной и позволяет лишь говорить о ней как о вещи, собственник которой не установлен. Хозяином вещи продолжает оставаться прежний собственник⁶, который в рамках срока, отведенного законом как раз для

³ См.: п. 1 ст. 16 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147); ст. 1.2. закона РФ от 21 февр. 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (ред. от 30.09.2017) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10, ст. 823); ст. 8 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 23, ст. 2381); ст. 6, 8 Лесного кодекса Российской Федерации от 4 дек. 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5278).

⁴ См.: ст. 1, 4 Федерального закона от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О животном мире» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17, ст. 1462.

⁵ Вопрос о «бесхозяйной» недвижимости целесообразно рассмотреть отдельно, принимая во внимание специфику установленного порядка приобретения права собственности на нее, а именно обязательную предварительную постановку на государственный учет в качестве бесхозяйной. ⁶ Это касается и случаев реализации нашедшим найденной им скоропортящейся вещи или вещи, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью, предусмотренных нормой абз. 2 п. 3 ст. 227 ГК РФ: право собственности на реализуемую вещь при этом переходит к ее приобретателю от неизвестного пока собственника вещи, но никак не от нашедшего – непосредственным указанием закона он лишь уполномочен на ее реализацию и в случае установления лица, потерявшего вещь, обязан будет вернуть ему вырученные от продажи деньги.

for an ownerless thing (Paragraph 2 Clause 2 Art. 226, Paragraph 2 Clause 3 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, chapter 33 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation¹ or expiry of the term defined by law (Clause 1 Art. 228 and Clause 1 Art. 231 of the Civil Code of the Russian Federation). This problem has not been solved in terms of legislation; solely the moment of the emergence of the ownership right to such objects is defined.

Let us take a closer look at each group of “ownerless things” from the above mentioned perspectives.

1. Things Which Do Not Have an Owner

In our opinion, there are no such things at the contemporary stage of the society development². In particular, a thing which appeared as a result of man’s activity, comes into ownership of the person who created it or into ownership of the person who owns the material it was made of. And as long as this thing actually exists, the title to it will be preserved; solely the owners of the title will eventually change. The other problem is that it is not always possible to conclusively identify the owner of the thing. However, we believe it to be undoubtful that a thing once created by man, passes then to his successors and, in case he does not have any, to the state as *res caduca*; when a thing falls under the category of treasure trove, other persons can acquire title by virtue of law.

Therefore, even if there are things which have no owner, they can include solely objects of the tangible world which have value in use and are created by nature. They can, in particular, include land, water, plants, animals. However, they, as shown by the analysis of the contemporary Russian legislation, cannot be ownerless either. Being natural resources, land, mineral deposits mined from the Earth’s interior, water, timber, in the absence of right of private and municipal ownership to it, belong to the state³. A similar rule is prescribed in

regards to animals: wild animals in their natural free environment are in the ownership of the state⁴; according to the general rule, animals considered fruits belong to the owner of the fruit-bearing thing (Art. 136 of the Civil Code of the Russian Federation).

2. Movable Things Whose Owner is Unknown⁵

This group can include lost things, stray animals, treasure troves.

In our opinion, similar things, except for treasure trove (which is initially presumed not to have an owner), can be considered ownerless not earlier than the expiry of the term necessary to identify the owner of the thing or another person having title to it. According to regulations of Clause 1 Art. 228 and Clause 1 Art. 231 of the Civil Code of the Russian Federation, this is a period of six months from the moment of reporting finding the thing or detention of the animal to the police or the local government body.

During this time, interested persons have no information about the owner of a certain thing which, as we suppose, does not make this thing ownerless and solely allows us to speak of it as of a thing whose owner has not been identified. The previous proprietor of the thing continues to be its owner⁶, who can be identified or can claim title to the thing within the term defined by law for his

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Тезис об отсутствии в гражданском праве бесхозяйных вещей в целом не нов и уже обосновывался в юридической литературе, в том числе дореволюционной. Так, Д. И. Мейер, критически оценивая классификацию способов приобретения права собственности на «первообразные» (первоначальные) и «производные», отмечал, что «в нашем юридическом быту нет вещей, никому не принадлежащих, а если они и существуют в мире, то совершенно чужды юридическим определениям, как, например, планеты» [11, с. 382].

¹ The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended of 28.12.2017). Access from the legal reference system “ConsultantPlus”.

² The idea of ownerless things, as a rule missing in the Civil Code, is not new and has already been substantiated in legal literature, pre-revolutionary as well. For example, D.I. Meyer, criticizing division of methods of title acquisition into “original” (“primary”) and “derivative”, mentioned that “there are no things belonging to nobody in our legal routine, and if they exist somewhere in the world, they are completely antithetical to legal definitions, like, for instance, planets” [11, p. 382].

³ See: Clause 1, Art. 16 of the Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on

31.12.2017). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2001. No. 44. Art. 4147; Art. 1.2 of the Russian Federation Law No. 2395-1 “On Subsoil” of 21 February 1992 (as amended on 30.09.2017). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1995. No. 10. Art. 823; Art. 8 of the Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ of June 3, 2006 (as amended on 29.07.2017). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2006. No. 50. Art. 5278; Art. 6, 8 of the Forest Code of the Russian Federation No. 200-FZ of December 4, 2006 (as amended on 29.12.2017). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2006. No. 50. Art. 5278)

⁴ Art. 1, 4 of Federal Law No. 52-FZ “On Wildlife” of April 24, 1995 (amended 03.07.2016). *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 1995. No. 17. Art. 1462.

⁵ It is relevant to consider the issue of “ownerless” real estate separately, taking into account peculiarity of the established procedure for acquisition of title to it, and namely, its obligatory preliminary state registration as ownerless.

⁶ This also concerns cases of selling a perishable thing or a thing the storage expenses of which are incommensurably great compared to its value by the person who has found it, described in Paragraph 2 Clause 3 Art. 227 of the Civil Code of the Russian Federation: title to the thing sold passes to its acquirer from the so far unknown owner of the thing, but by no means, from the person who has found it. According to the law, he solely has a right to sell it and, in case of identification of the person who has lost the thing, the money received from the sale of the found should be returned to the person.

его (собственника) установления, может быть обнаружен или может сам заявить о своем праве на вещь¹. И только если этого не произойдет, соответствующую вещь можно считать бесхозяйной; однако она тут же поступает в собственность лица, нашедшего вещь (бездомные животные – в собственность лица, у которого животное находилось на содержании и в пользовании), либо в муниципальную собственность (ст. 228, п. 1 ст. 231 ГК РФ).

Таким образом, с формально-юридической точки зрения бесхозяйной та или иная движимая вещь, собственник которой неизвестен, является лишь в период между окончанием предусмотренного законом срока для установления (прежнего) собственника и возникновением права собственности на данную вещь у нового собственника, т. е. столь мизерный период времени, что практическая возможность выявления и целесобразность выделения данного вида «бесхозяйных» вещей представляются сомнительными.

3. Движимые вещи, от которых собственник отказался

Не останавливаясь на вытекающей из положений ст. 226 ГК РФ градации таких вещей (именуемых законодателем «брошенными») по критерию «ценности»², укажем, что ключевым в вопросе о их бесхозяйности, на наш взгляд, является норма абз. 2 ст. 236 ГК РФ, в соответствии с которой отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственно-

сти на него другим лицом. Исходя из этого следует весьма очевидный и, как представляется, бесспорный вывод: до момента приобретения на вещь, от права собственности на которую собственник отказался, права собственности другим лицом³ ее нельзя именовать «бесхозяйной», так как формально ее хозяином (по смыслу п. 1 ст. 225 ГК РФ, обладателем прав и обязанностей собственника) остается вполне конкретный субъект. В данной связи следует констатировать несогласованность, противоречивость положений п. 1 ст. 225 и абз. 2 ст. 236 ГК РФ.

Обобщая изложенное, можно заключить, что, связывая бесхозяйность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее, как это делает отечественный законодатель (п. 1 ст. 225 ГК РФ), основываясь на иных установлениях действующего российского законодательства, мы вынуждены признать, что движимых «бесхозяйных» вещей не существует, поскольку с материально-правовых позиций de jure они имеют собственников, хотя последние и не всегда достоверно известны (что, впрочем, является вопросом иного – процессуального – характера).

Аналогичный вывод следует сделать и относительно «бесхозяйной» недвижимости.

4. «Бесхозяйные» недвижимые вещи

В силу абз. 1 п. 3, абз. 1 п. 4 ст. 225 ГК РФ «бесхозяйные» недвижимые вещи подлежат государственному учету.

Заметим, что с 1 января 2017 г. вступил в действие принятый в соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁴ (далее – ФЗ о государственной регистрации недвижимости) новый приказ Минэкономразвития РФ об учете бесхозяйной недвижимости⁵, который, однако, можно утверждать, оставил без изменений прежний порядок государственного учета таких вещей⁶.

³ Таким моментом, в соответствии с положениями п. 2 ст. 226 ГК РФ, применительно к отходам и брошенным вещам стоимостью явно ниже пятикратного минимального размера оплаты труда является момент совершения лицом, в собственности, владении либо пользовании которого находится объект, где вещь брошена, конклюдентных действий по ее использованию, а применительно к другим брошенным вещам – момент вступления в законную силу судебного решения о признании вещи бесхозяйной.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁵ Об установлении порядка принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей: приказ М-ва экон. развития Рос. Федерации от 10 дек. 2015 г. № 931 / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Ср.: О принятии на учет бесхозяйных недвижимых вещей: положение, утв. постановлением Правительства РФ от 17 сент. 2003 г. № 580 // Собр. законодательства Рос.

(the proprietor's) identification¹. And only if it does not happen, the respective thing can be considered ownerless; however, it immediately passes into ownership of the person who found this thing (stray animals – into ownership of the person who kept and used the animal), or into municipal ownership (Art. 228, Clause 1 of Art. 231 of the Civil Code of the Russian Federation).

Thus, as a technical legal matter, any movable thing whose owner is unknown, is considered ownerless solely within the period between the expiry of the term for identification of the (previous) owner defined by law and acquisition of title to this thing by the new owner, i. e. such a miniscule period of time, that practical possibility of revealing this type of “ownerless” things and viability of singling it out appear to be doubtful.

3. Movable Things the Owner Has Renounced

Without paying our attention to the ranking of such things (nominated “derelict” by the legislator) with respect to their “value”, resulting from the regulations of Art. 226 of the Civil Code of the Russian Federation², we will mention that, in our opinion, the key aspect in the issue of their ownerlessness is reflected in regulation of paragraph 2 Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which renouncement of the right of ownership shall not entail termination of rights and duties with respect to the property until such a right is acquired by another person. Following this line of reasoning, there is an obvious and undoubted conclusion to draw, a thing, the title to which the owner has renounced, cannot be consid-

¹ This is also admitted in the doctrine, including the foreign one. For example, French scholars P. Voirin and G. Goubeaux point out that lost objects have their owner who can appear and claim his property and come to a conclusion: “Thus, the person who has found the thing does not become its owner as a result of acquisition” (“...les objets perdus (appelés: épaves). Ceux-ci ont un propriétaire, qui pourra se manifester et réclamer son bien. L'inventeur [inventeur=celui qui trouve] d'une épave n'en devient donc pas propriétaire par occupation”) [21, p. 302].

² Let us pay our attention to another issue which appears to be controversial: admissibility of arising of the issue of ownerlessness of paperless securities (as of “derelict” ones). See, for instance: Resolution of the Federal Arbitration Court for the Moscow Circuit of September 25, 2013 on case No. A40-136014/12-159-1280; Resolution of the Arbitration Court for the Volga Circuit of December 7, 2017 No. F06-27085/2017 on case No. A55-4434/2017. (Hereinafter access to the court cases from the legal reference system “ConsultantPlus”). This kind of objects of civil rights are not things. At the same time, state of ownerlessness is related solely to things, “it is a concept of property law” [19, p. 62]. Therefore, rules of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation cannot be applied to paperless securities, and even if it is impossible to assuredly identify the owner of such objects, it is more correct to denominate them “securities of unidentified persons” [3, pp. 94–95].

ered ownerless until the moment of acquisition of title to it by another person³, because technically, a certain person remains its owner (according to Clause 1 Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, a holder of rights and duties of the owner). In this context, one should assert incoherence, inconsistency of the provisions of Clause 1 Art. 225 and of Paragraph 2 of Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation.

Summarizing the above mentioned, one can draw a conclusion that, attributing ownerlessness of a thing solely to the issue of title to it, as the Russian legislator does (Clause 1 of Art. 225 of the Russian Civil Code), based on other impositions of the Russian legislation in force, we have to admit that there are no ownerless movable things, because, in substantive terms of de jure, they have owners, notwithstanding that the latter are not always conclusively known (which is, however, a different procedural problem).

A similar conclusion should be drawn as far as “vacant” possession is concerned.

4. “Ownerless” Immovable Property

According to Paragraph 1 Clause 3, Paragraph 1 Clause 4 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, “ownerless” immovable things are subject to state registration.

It should be noted that since January 1, 2017, a new Decree of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on registration of ownerless real things⁴ (further – Federal Law on state registration of real estate), adopted in accordance with Part 3 Art. 3 of the Federal Law No. 218-FZ “On State Registration of Real Estate”⁵ of July 13, 2015, has taken effect. However, it could be argued that the Decree left the former order of the state registration of such things without any changes⁶.

³ Such moment, in accordance with Clause 2 of Art. 226 of the Civil Code of the Russian Federation as applied to waste and derelicts with value obviously lower than five times minimum wage amount, is the moment of taking an implicative action by a person in whose ownership, possession or use the thing is or where the thing was abandoned, and as far as other derelict things are concerned, it is the moment when the judicial decision of recognizing the thing as ownerless takes legal effect.

⁴ The Decree of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 931 “On Establishing the Procedure for Registering Ownerless Immovable Property” of December 10, 2015. Official Internet portal of legal information. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 04.26.2016).

⁵ Official Internet portal of legal information. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 07.14.2015).

⁶ Comp.: Regulation, established by the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 580 “On Registration of Ownerless Immovable Things” of September 17, 2003. Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2003. No. 38. Art. 3668 (void since January 1, 2015); The Decree of

В частности, как и ранее, учет бесхозяйных недвижимых вещей возлагается на Росреестр (п. 2 Порядка принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей, установленного приказом Минэкономразвития 2015 г. № 931; далее – Порядок); принятие на учет недвижимого имущества как «бесхозяйного» все так же осуществляется на основании соответствующего заявления органа местного самоуправления, исполнительного органа государственной власти городов федерального значения (ныне – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя¹), на территории которого находится такая вещь (п. 5 Порядка); по-прежнему объектом учета вещей как «бесхозяйных» являются здания, сооружения, помещения, которые не имеют собственника или собственники неизвестны, или от права собственности на которые собственники отказались² (но теперь это прямо следует из п. 3 Порядка); идентичными являются предписанные формы заявления о постановке на учет, уведомления (ранее – выписки из Госреестра, сообщения) о принятии на учет (ср.: приложения к указанным выше подзаконным нормативным правовым актам).

Устоявшимся является и то, что *недвижимая вещь именуется «бесхозяйной» уже в сам момент постановки на учет* (это отчетливо явствует как из формулировки положений п. 3, 4 ст. 225 ГК РФ, так и из соответствующих форм уведомления о принятии на учет бесхозяйного объекта недвижимого имущества – приложения

Федерации. 2003. № 38, ст. 3668 (утратило силу с 1 янв. 2015 г.); *Об установлении* порядка принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей: приказ Минэкономразвития России от 22 нояб. 2013 г. № 701 // Рос. газета. 2014. 5 сент. (утратил силу с 1 янв. 2017 г.).

¹ Необходимо обратить внимание на отсутствие указания на г. Севастополь в гл. 33 ГПК РФ «Признание движимой вещи бесхозяйной и признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь»; в ГК РФ и Порядке принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей такое указание содержится. Следует согласиться, что до устранения указанной коллизии нормы гл. 33 ГПК РФ должны применяться в отношении бесхозяйного недвижимого имущества, расположенного на территории г. Севастополь, по аналогии (см. [10]).

² В п. 10 ст. 32 ФЗ о государственной регистрации недвижимости говорится о постановке на учет как бесхозяйного недвижимого имущества также *машино-мест*. В случае отказа от права собственности на *земельный участок* этот вид недвижимости на учет регистрирующим органом не ставится: в орган регистрации прав с соответствующим заявлением обращается непосредственно собственник земельного участка, и это заявление служит основанием для государственной регистрации прекращения права собственности на земельный участок у заявителя и одновременно – основанием государственной регистрации права собственности субъекта Российской Федерации или муниципального образования, к собственности которых будет отнесен этот земельный участок (ныне это установлено в ст. 56 ФЗ о государственной регистрации недвижимости).

№ 2, 3 к Порядку), что представляется принципиально неверным.

Особенно очевидно это в отношении принимаемой на учет «бесхозяйной» недвижимой вещи, от права собственности на которую собственник отказался.

Исходя из уже приведенной нормы абз. 2 ст. 236 ГК РФ, в полной мере относящейся и к случаям дереликции применительно к недвижимым вещам, лицо, отказавшееся от права собственности на определенную недвижимую вещь, *продолжает оставаться собственником* этой вещи еще в течение предусмотренного нормой абз. 2 п. 3 ст. 225 ГК РФ *годового срока со дня постановления ее на учет* как «бесхозяйной». Так, и в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) при принятии на учет вещи в таких случаях, в соответствии с п. 128 Порядка ведения ЕГРН³, в записи о вещном праве (с добавлением к номеру регистрации буквы «У» – п. 126 Порядка ведения ЕГРН) в отношении правообладателя указываются «*сведения о собственнике*». Термин «*собственник*» содержится и в уже упомянутой выше установленной форме уведомления о принятии на учет бесхозяйного объекта. Вывод о том, что *собственником* недвижимой вещи, поставленной на учет в качестве «бесхозяйной» в связи с отказом от права собственности на нее, продолжает оставаться лицо, заявившее в орган местного самоуправления о своем отказе, следует также из положения п. 15 Порядка принятия на учет бесхозяйных недвижимых вещей, устанавливающего, что «*независимо от даты принятия на учет объекта недвижимого имущества в качестве бесхозяйного собственник этого имущества, от прав на которое он ранее отказался, но право собственности которого не прекращено на законных основаниях* (курсив наш. – Ю. В.), может обратиться в орган регистрации прав с заявлением о принятии вновь этого имущества во владение, пользование и распоряжение».

Законным же основанием, влекущим прекращение права собственности на недвижи-

³ *Об установлении* порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 16 дек. 2015 г. № 943 (ред. от 11.08.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

In particular, as before, registration of ownerless immovable things is assigned to the Federal Service for State Registration (Clause 2 of the Procedure for registering ownerless immovable property, established by the Decree of the Ministry of Economic Development of 2015 No. 931; further in the text – Procedure); registration of real things as “ownerless” is still carried out on the basis of the corresponding application of the local government body, executive body of the government of federal cities (nowadays – Moscow, St. Petersburg and Sevastopol¹) in the territory of which such a thing is located (Clause 5 of Procedure); buildings, constructions, rooms which have no owners, or whose owners are unknown, or to which the owners have renounced the property right are still subject to registration as “ownerless” things² (but now it directly follows from Clause 3 of the Procedure); the prescribed forms of the applications for registration, notifications (earlier – extracts from the State registry, messages) about registration are identical (comp.: appendices to the subordinate regulations stated above).

It is also established that *an immovable thing is defined as “ownerless” at the very moment of its registration* (it can be conspicuously seen both in the wording of provisions of Clause 3, 4 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, and the corresponding forms of the notification about registration of the ownerless real estate thing – appen-

the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 701 “On Establishing the Procedure for Registering Ownerless Immovable Property” of November 22, 2013. *Russian gazette*. 5 September. 2014 (void since January 1, 2017).

¹ It is necessary to pay attention to the lack of reference to Sevastopol in Chapter 33 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation “Recognition of a Movable Thing as Ownerless and Recognition of the Property Right to an Ownerless Immovable Thing”; such a reference can be found in the Civil Code of the Russian Federation and the Procedure for Registration of Ownerless Immovable Things. It is necessary to agree that, before elimination of the specified collision, provisions of Chapter 33 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation have to be applied to ownerless real things located in the territory of Sevastopol, by analogy [10].

² Clause 10 of Art. 32 of the Federal Law “On State Registration of Real Estate” also mentions registration of parking places as ownerless real estate. In case of renunciation of the property right to the land plot, this kind of real estate is not registered by the registering body; the owner of the land plot appeals directly to the registering body, and this application serves as foundation for state registration of termination of the applicant’s right of property to the land plot, and, simultaneously, foundation for state registration of right of ownership of the subject of the Russian Federation or a municipal unit, into the ownership of which this land plot will pass (nowadays it is established in Art. 56 of the Federal Law on state registration of real estate).

dices No. 2, No. 3 to the Procedure), which appears to be essentially incorrect.

It is especially obvious in relation to the “ownerless” immovable thing that is going to be registered to which the owner has renounced the property right.

On the basis of the above mentioned provision of Paragraph 2, Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation, fully relating to dereliction cases with regard to immovable things, the person who has renounced the property right to a certain immovable thing *continues to be the owner* of this thing for *a period of a year, from the date of its registration* as “ownerless”, according to provision of Paragraph 2, Clause 3 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation. Thus, according to Clause 128 of the Procedure for maintaining USR³, when registering a thing, is such cases in the Unified State Register of Real Estate (further – USR) “*data on the owner*” are specified in the record about real right (with addition to the registration number of the letter “U” – Clause 126 of the Procedure for maintaining USR). The term “*owner*” is also contained in the abovementioned form of the notification about registration. A conclusion that the person who has announced the right of refusal to the local government body continues to be the *owner* of an immovable thing registered as “ownerless” in connection with the waiver also follows from the provision of Clause 15 of the Procedure for registration of ownerless immovable things. This provision establishes that “irrespective of the date of registration of the real estate thing as ownerless, the owner of this property, who *has earlier renounced the rights to it but whose property right was not terminated on legal grounds* (italics added – Yu. V.), can appeal to the rights registration body with a petition for receiving this property back in possession, use and at his disposal”.

The legal ground for the termination of the property right to the real estate as to the subject who

³ On Establishing of the Procedure for Maintaining the Unified State Register of Real Estate Rights and Transactions, forms of a special registration inscription on the document expressing subject of transaction, scope of information included into a special registration inscription on the document expressing subject of transaction, and requirements to its filling and also requirements for the format of the special registration inscription on the document, expressing subject of transaction in electronic form, the procedure for introducing changes into data on location of land borders in the Unified State Register of Real Estate Rights and Transactions, when correcting a register mistake: The Decree of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 943 of December 16, 2015 (as amended on 08.11.2017). Access from the legal-reference system “ConsultantPlus”.

мость у «отказавшегося» субъекта, является государственная регистрация права муниципальной или государственной собственности на эту вещь, осуществляемая, в свою очередь, на основании *вступившего в законную силу решения суда о признании* такого права (п. 3, п. 4 ст. 225 ГК РФ; п. 17 Порядка). Причем заявление о признании права собственности на «бесхозную» недвижимую вещь может быть подано в суд (и рассмотрено последним в порядке особого производства – подп. 6 п. 1 ст. 262 ГПК РФ) органом, уполномоченным управлять муниципальным имуществом или имуществом, находящимся в собственности города федерального значения, не ранее чем через год с момента постановки вещи на учет в качестве «бесхозной», поскольку согласно норме абз. 2 п. 2 ст. 290 ГПК РФ «в случае, если орган, уполномоченный управлять соответствующим имуществом, обращается в суд с заявлением до истечения года со дня принятия недвижимой вещи на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, судья отказывает в принятии заявления и суд прекращает производство по делу».

Но если вплоть до признания судом и последующей государственной регистрации права муниципальной или государственной собственности на определенную недвижимую вещь право собственности на нее сохраняется за конкретным лицом, допустимо ли считать эту вещь бесхозной? Полагаем бесспорным, что вещь, которая имеет собственника, ни при каких обстоятельствах не может именоваться «бесхозной».

В отношении тех зданий, сооружений, помещений, собственник которых неизвестен, при принятии их на учет наблюдается большая последовательность: в ЕГРН в записи о вещном праве на такие объекты недвижимости (так же с добавлением к номеру регистрации буквы «У») в отношении правообладателя указывается «не установлен» (п. 127 Порядка ведения ЕГРН). В то же время в отношении вида права при этом указывается «принят на учет как бесхозный» (курсив наш. – Ю. В.) объект недвижимого имущества». Данное обстоятельство вызывает возражения на том основании, что сама по себе постановка определенной недвижимой вещи на учет (сначала – органом местного самоуправления, исполнительным органом государственной власти городов федерального значения, затем – Росреестром), равно как и последующее судебное решение о признании ее бесхозной¹, на

¹ Необходимость собственно констатации бесхозности определенной недвижимой вещи следует из положений п. 2 ст. 291 ГПК РФ (в соответствии с которым в заявлении

наш взгляд, «качества» бесхозности данной вещи не придают². Таким качеством вещь, собственник которой неизвестен, «сверху» наделяется *указанием закона*, а именно нормой п. 1 ст. 225 ГК РФ, согласно которой «бесхозной является вещь, которая ...»

Однако в действительности вещь, собственник которой не установлен, не «является», а лишь *считается* «ничьей»³, и считается до тех пор, пока не будет устранена неопределенность относительно ее юридической судьбы. Снимает же отмеченную неопределенность применительно к недвижимому имуществу либо 1) государственная регистрация на основании соответствующего судебного решения права муниципальной либо государственной собственности на объект, либо 2) государственная регистрация права собственности на недвижимость давностного владельца (лица, приобретшего это право в силу приобретательной давности) – если суд не признает эту вещь поступив-

о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь должны быть приведены доказательства, свидетельствующие об отсутствии ее собственника) и п. 2 ст. 293 ГПК РФ (по смыслу которого суд принимает решение о признании права муниципальной собственности либо собственности города федерального значения на вещь только после того, как признает, что эта недвижимая вещь не имеет собственника или собственник недвижимой вещи неизвестен и она принята на учет в установленном порядке).² В юридической литературе вопрос о значении подобных актов однозначно не решен. В частности, в свое время по нему высказывались следующие противоположные мнения: часть ученых отстаивала точку зрения, что имущество становится бесхозным именно в силу судебного или административного акта (С. М. Корнеев, М. Я. Кириллова и др.); по мнению других, бесхозность является объективным, т. е. независимым от каких-либо судебных или административных актов, состоянием имущества и что указанные акты лишь подтверждают этот факт (см. [18, с. 9]). Мы разделяем последнюю из приведенных позиций, сторонники которой есть и в современной отечественной доктрине. Так, Н. В. Кляус, анализируя вопрос о признании права собственности на бесхозную недвижимую вещь по ГПК РФ, пишет, что «сущность этих дел заключается в *подтверждении судом бесхозного статуса* (курсив наш. – Ю. В.) недвижимой вещи» [9, с. 38]. Д. А. Петров отмечает, что учет осуществляется в отношении вещей, статус которых как бесхозных уже подтвержден документами, которые предоставляются в регистрирующий орган вместе с заявлением о постановке недвижимости на учет [13]. Об отсутствии детерминационной связи между учетом вещи как бесхозной и собственно бесхозностью этой вещи свидетельствуют и материалы судебной практики (см., например, определение Верховного Суда РФ от 22 июля 2015 г. № 305-ЭС15-513 по делу № А40-141381/2013, в котором указано, что «непринятие органами местного самоуправления мер по учету спорного теплопровода не лишает этот объект признаков бесхозной вещи»).

³ Причем основная причина такой «бесхозности», позволив себе утверждать, кроется в отсутствии сведений о собственнике этой вещи в информационных базах публично-правовых образований.

has refused is the state registration of the right of municipal or state ownership to this thing, which is carried out, in its turn, on the basis of *the judgment about recognition* of such right *which has taken legal effect* (Clause 3, Clause 4, Art. 225, the Civil Code of the Russian Federation; Clause 17, of the Procedure). However, the application for the recognition of the property right to an “ownerless” immovable thing can be filed with a court (and is considered by the latter as special proceedings – Subclause 6 Clause 1 Art. 262 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation) by the body authorized to operate the municipal property or property which is in the city property of federal importance not earlier than in a year from the moment of registration of the thing as “ownerless”, as, according to provision of Paragraph 2, Clause 2, Art. 290 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation “in case the body authorized to operate the corresponding property appeals to court with the petition before the expiration of year from the date of registration of an immovable thing by the body which is carrying out the state registration of the right for real estate, the judge refuses to accept a lawsuit and the court terminates proceedings”.

But if up to recognition by court and the subsequent state registration of the right of municipal or state ownership to a certain immovable thing, the property right to it remains for the particular person, is it admissible to consider this thing ownerless? We think, undoubtedly, that the thing which is owned cannot be called “ownerless” under no circumstances.

Concerning buildings, constructions, rooms, whose owner is unknown during registration procedure, more consistency is observed: in the USSR, in the record about the real right to such real estate items (also with addition of letter “U” to the registration number), as far as the owner is concerned, it is specified “has not been established” (Clause 127, Procedure of maintaining USSR). At the same time, in relation to the type of the right, it is specified “registered as ownerless” (italics added – Yu. V.). This circumstance causes objections on the ground that registration itself of a certain immovable thing (at first – by the local government body, executive body of the federal cities government, then – the Federal Service for State Registration), as well as the subsequent judgment on its recognition as ownerless¹, in our opinion, do not attribute the “quali-

¹ The necessity of statement of ownerlessness of a certain immovable thing follows from provisions of Clause 2, Art. 291 of

ty” of ownerlessness to such thing². This quality is attributed to the thing whose owner is unknown “from above”, enshrined in law, by rule of Clause 1 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which “Ownerless is a thing which...”.

However, in fact, the thing whose owner has not been established, is not nobody’s but just *considered* as “nobody’s”³, and it is considered to be nobody’s until uncertainty concerning its legal future is eliminated. The only agencies authorized to remove noted uncertainty in relation to real estate are (1) state registration on the basis of the relevant judgment of the right of municipal or state ownership to an object, or (2) state registration of the property right to the real estate of the prescriptive owner (the person which has acquired this right owing to acquisitive prescription) – if the court does not recognize this thing as one which has

the Civil Procedure Code of the Russian Federation (according to which proofs confirming absence of its owner ought to be provided in the statement for recognition of the property right to an ownerless immovable thing) and Clause 2, Art. 293 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation (in accordance with the sense of which the court makes decision on recognition of the right of municipal property or city property of federal importance to a thing only after it recognizes that this immovable thing has no owner or the owner of the immovable thing is unknown, and it is registered in accordance with the established procedure).

² In legal literature, the problem of value of similar acts is definitely not resolved. There appeared some contrary opinions: a part of scientists defended their point of view that the property becomes ownerless due to a judicial or administrative act (S. M. Korneev, M. Ya. Kirillova, etc.); according to others, the ownerlessness is a condition of property, it is objective, i. e. independent of any judicial or administrative acts, and that the specified acts only confirm this fact [see: 18, p. 9]. We agree with the latter position, whose supporters can be found also in the modern domestic doctrine. For example, N. V. Klyaus, analyzing the issue of recognition of the property right to an ownerless immovable thing under the Civil Procedure Code of the Russian Federation, writes that the essence of these affairs consists in *confirmation of the ownerless status* (italics added – Yu. V.) of the immovable thing by court [9, p. 38]. D. A. Petrov mentions that registration is carried out with regard to things whose status as ownerless has already been confirmed by the documents, presented to the registering body together with the application for registration of the real estate [13]. The lack of determinative relation between registration of a thing as ownerless and actual ownerlessness of this thing is demonstrated also by case materials (see, for instance, Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of July 22, 2015 No. 305-ES15-513 on case No. A40-141381/2013, in which it is specified that “refusal of local governments to take measures to register a disputable heat conductor does not deprive this object of features of an ownerless thing”).

³ Moreover, the main reason for such “ownerlessness”, we will dare to claim, is the lack of information about the owner of this thing in the data base of public-legal institutions.

шей в муниципальную собственность либо собственность города федерального значения. При этом во втором из указанных случаев до государственной регистрации право собственности на вещь сохраняется, по-нашему мнению, за «не установленным» на момент постановки на учет, вынесения судебного решения собственником¹, который, «явившись», может виндигировать эту вещь у владельца. Так, и в соответствии с нормой п. 4 ст. 234 ГК РФ, течение срока приобретательной давности в отношении вещи начинается не ранее истечения исковой давности по требованию об ее виндикации², что изначально если и не предполагает, то не исключает наличия собственника у вещи, которая, таким образом, повторим, не «является», а лишь считается бесхозяйной.

Учитывая изложенное, недвижимую вещь, от права собственности на которую собственник отказался, в момент принятия на государственный учет, по нашему убеждению, следует обозначать не как «бесхозяйный объект недвижимого имущества», а как (буквально, адекватно имеющейся правовой регламентации) «недвижимая вещь (либо недвижимость, недвижимый объект), от права собственности на которую собственник отказался». Что касается недвижимой вещи, собственник которой не известен, то, принимая во внимание вероятностный характер факта отсутствия у нее собственника, более верно именовать ее как в ГК РФ, так и нормативных правовых актах, определяющих порядок учета бесхозяйных недвижимых вещей, «считающейся бесхозяйной» (а не «бесхозяйной»). В противном случае получаем парадокс: в качестве «бесхозяйных» на учет ставят недвижимые вещи, которые *с позиций материального права имеют собственника* (в случаях отказа собственника от права собственности) либо *которые как бы не имеют* собственника (в случаях неизвестности последнего).

Вряд ли описанная ситуация может считаться удовлетворительной. Более того, возникает

вопрос о *практической значимости, целесообразности* учета таких вещей как «бесхозяйных». Так, применительно к недвижимым объектам, от права собственности на которые собственники отказались, можно сделать вывод, что институт государственного учета бесхозяйной недвижимости не влияет на решение вопросов ни о привлечении к гражданско-правовой ответственности в случае возможного вредоносного воздействия со стороны имущества, принятого государством на учет как «бесхозяйного», ни о налоговом бремени, сопряженным с таким имуществом, поскольку, несмотря на имевший место и зафиксированный уполномоченным государственным органом в установленном порядке отказ от права собственности на определенный недвижимый объект, все «тяготы» собственности, на основании нормы ст. 210 ГК РФ «Бремя содержания имущества», все равно будут возложены на лицо, сохраняющее в силу абз. 2 ст. 236 ГК РФ статус собственника данной вещи. Не способствует решению столь важных в повседневной действительности вопросов и учет в качестве бесхозяйных тех вещей, собственник которых неизвестен: неопределенность в вопросах их содержания, ответственности вследствие причинения вреда и т. п. принятием на учет не устраняется. Изложенное дает основания для вывода, что данный институт имеет преимущественно публично-правовую значимость, заключающуюся, полагаем, в учете *потенциальных объектов публичной собственности*. Впрочем, именно с такими потенциальными объектами права муниципальной либо государственной собственности связана большая часть проблем, имеющих на практике.

II. Бесхозяйность вещей de facto

Анализ судебных материалов, юридической литературы по рассматриваемой теме, осмысление эмпирики обыденной жизни приводит к выводу: проблема бесхозяйности вещей состоит не только в том, что определенная вещь является «ничьей» *с точки зрения права*, т. е. по каким-либо причинам отсутствуют документально подтвержденные сведения о ее собственнике. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ отсутствие у спорных вещей собственника не является безусловным основанием для признания судом этого имущества бесхозяйным³, и как неоднократно отмечалось в судебных решениях, то обстоятельство, что спорные объекты «*числились*» (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.) как бесхозяйные, не свидетельствует о том, что

passed to the municipal property or city property of federal importance. At the same time, in the second of the specified cases, before the state registration, the property right to a thing belongs, in our opinion, to the owner “not established” at the time of registration or adjudication¹, who, “having appeared”, can vindicate this thing from the owner. Thus, according to the rule of Clause 4, Art. 234 of the Civil Code of the Russian Federation, the duration of term of acquisitive prescription concerning a thing begins not earlier than the expiration of limitation period on demand of its vindication², which, even if initially not presuming it, does not exclude the presence of the owner of the thing, which, consequently, as repeatedly stated, is not ownerless but only considered ownerless.

Taking into account the above mentioned, an immovable thing the property right to which the owner has renounced at the time of registration, as we believe, should be defined not as an “ownerless real estate item” but as (literally, according to the available legal regulation) “an immovable thing (or real estate, immovable object) the property right to which the owner has renounced”. As for an immovable thing whose owner is unknown, in the view of the probabilistic character of the fact of its owner’s absence, it is more correct to denominate it similarly to the definition in the Civil Code of the Russian Federation, and regulations, defining the procedure for registration of ownerless immovable things, “considered ownerless” (but not “ownerless”). Otherwise, the paradox turns out: as “ownerless” immovable things, which, *from positions of substantive law, have an owner*, are registered (in cases when the owner renounces the property right), or which, ostensibly, have no owner (in cases of the latter being unknown).

The described situation is unlikely to be considered satisfactory. Moreover, there is an issue of

the practical importance, expediency of registering such things as “ownerless”. For instance, in relation to immovable objects the property right to which the owner has renounced, it is possible to conclude that the state registration institute of the ownerless real estate contributes neither to making decisions about imposing civil liability in case of possible harm from the property registered by the state as “ownerless”, nor to solving the issues concerning tax burden related to such property, since, despite the disclaimer of property taking place and recorded by the public authority, in accordance with the established procedure on a certain immovable object, all “burdens” of property on the basis of rule of Art. 210 of the Civil Code of the Russian Federation “Burden of Maintaining the Property” will be laid upon the person holding the status of the owner of this thing owing to Paragraph 2 of Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation. Registration of things as ownerless when the owner is unknown also does not contribute to the solution of such significant current problems: uncertainty in questions of liability in case of harm, etc. is not eliminated by registration only. Stated things give the grounds for a conclusion that this institute has mainly public importance, consisting, as we believe, in registration of potential objects of public property. However, exactly the majority of problems, which can be faced in practice, are connected with such potential objects of the right of municipal or state ownership.

II. Ownerlessness of Things De Facto

The analysis of case materials, legal literature on the subject under study, comprehension of empirics of daily routine leads to the following conclusion: the problem of ownerlessness of things is not the only fact that a certain thing is “nobody’s” from the legal point of view, i. e. for some reasons there is no documentary confirmed information about its owner. According to the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, the absence of the owner of the things in question cannot be the ground for recognition of this property by court as ownerless³ and, as it was repeatedly mentioned in judgments, the fact that the objects in question “*were registered* (hereinafter italics added – Yu. V.) as ownerless, does not prove that

¹ То, что учет объектов в качестве бесхозяйных не прекращает существующее право и не препятствует регистрации права собственности на них лица, которое ранее было неизвестно, признается и на практике (см., например, постановления: ФАС Северо-Западного округа от 17 нояб. 2008 г. по делу № А56-10184/2008; ФАС Восточно-Сибирского округа от 6 марта 2014 г. по делу № А33-4465/2013).

² Более удачными с позиций практической реализации представляются соответствующие нормы в редакции законопроекта о внесении изменений в ГК РФ: в рамках одной статьи – ст. 242 «Приобретательная давность» – указано, что течение срока приобретательной давности начинается с момента начала владения вещью (абз. 1 п. 2) и что истребование вещи в порядке виндикации возможно в течение всего срока владения (п. 3).

³ См.: определение Верховного Суда Рос. Федерации от 21 марта 2016 г. № 303-ЭС16-917 по делу № А73-17377/2014.

¹ The fact that registration of objects as ownerless does not terminate the existing right and does not interfere with registration of the property right to them of the person who was *unknown* earlier is also recognized in practice (see, for example: the Resolution of the Federal Arbitration Court of the Northwestern Federal District of November 17, 2008 on case No. A56-10184/2008; the Resolution of the Federal Arbitration Court of the East Siberian Federal District of March 6, 2014 on case No. A33-4465/2013).

² More successful, from the positions of implementation, are the respective provisions in the version of draft law on amendments to the Civil Code of the Russian Federation: it is specified by Art. 242 “Acquisitive prescription” that the current term of acquisitive prescription starts at the moment of the beginning of possession of a thing (Paragraph 1 of Clause 2) and that reclamation of a thing as vindication is possible throughout the whole term of possession (Clause 3).

³ Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES16-917 on case No. A73-17377/2014 of March 21, 2016.

они действительно являлись таковыми»¹. Кроме этого, на современном этапе информационно-технологического развития в том числе нашего государства таких вещей становится все меньше, а наличие имеющихся является скорее «эхом давно минувших дней», что, безусловно, не нивелирует остроту необходимости решения их судьбы, причем не единственно юридической. Наиболее вопиющим примером в данной связи выступают считающиеся «бесхозными» объекты исторического и культурного наследия – памятники военной истории. Так, согласно информации, опубликованной на официальном сайте Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, «как известно (здесь и далее курсив наш. – Ю. В.), на Кубани около 80% памятных мест и памятников, посвященных событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, до сих пор не приняты в муниципальную собственность из-за отсутствия средств на эти цели у муниципалитетов и усложненную процедуру оформления бесхозных объектов в собственность»².

Возможны и обратные ситуации: когда достоверные сведения о собственнике вещи имеются, однако мер по содержанию данной вещи это лицо не принимает и в случае причинения вреда либо иных неблагоприятных последствий, связанных с использованием либо просто наличием данной вещи, причиненный ущерб с него взыскать невозможно (например, по причине невозможности установления его фактического местонахождения либо давности требования).

Именно в подобном несоответствии юридического и фактического статуса определенной вещи и заключается, на наш взгляд, один из основных аспектов проблемы бесхозности вещей. При этом с позиций участников гражданского оборота ситуация *de facto* имеет первостепенное значение; *вопросы о юридической судьбе вещи возникают лишь как следствие фактической бесхозности этого объекта*, что в целом согласуется с законодательными нормами о

бесхозности вещей как возможным основании возникновения права собственности.

Задумываясь о причинах бесхозности объектов как социального феномена, представляется, что в конечном счете данное явление обусловлено отсутствием интереса в отношении определенной вещи со стороны конкретного лица.

В частности, именно отсутствием (экономической) заинтересованности объясняется, на наш взгляд, нежелание муниципалитетов и государства становиться собственниками требующих ремонта либо демонтажа заброшенных и полуразрушенных зданий, сооружений, помещений, так же нуждающихся в ремонте либо замене и периодически «прорывающих» водопроводных и канализационных сетей, памятников, стихийных «пригородных» и «загородных» свалок бытовой техники и т. п. Об отмеченном «нежелании» свидетельствует масса судебных требований о признании незаконным бездействия городской администрации и (или) обязанности ее либо поставить на учет в качестве бесхозного, обратиться с таким требованием в регистрирующий орган³, либо принять в муниципальную собственность⁴ то или иное недвижимое имущество. При этом единая позиция судебных органов относительно вопроса об обязанности принятия в муниципальную собственность, в частности, такого бесхозного имущества, как сети электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения, отсутствует: часть судов, вынося соответствующие решения, отмечают, что действующее законодательство «не имеет норм, устанавливающих обязанность принятия бесхозного имущества в муниципальную собственность»⁵; другая часть правоприменителей аргументируют позицию тем, что орган местного самоуправления, осуществляя

³ См., например, постановления: ФАС Дальневосточного округа от 26 дек. 2008 г. № Ф03-5540/2008 по делу № А51-19431/20047-365/23; Арбитражного суда Уральского округа от 25 янв. 2016 г. № Ф09-10599/15 по делу № А50-5612/2015; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 окт. 2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015; Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 февр. 2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016; Арбитражного суда Поволжского округа от 28 нояб. 2017 г. № Ф06-26651/2017 по делу № А49-3957/2016; решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17 мая 2011 г. по делу № 2-2733/11.

⁴ См., например, постановления: Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 февр. 2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015; Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 7 февр. 2017 г. № Ф01-6213/2016 по делу № А43-7490/2015.

⁵ См., например, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 февр. 2017 г. № Ф03-6323/2016 по делу № А73-6802/2016.

¹ См., например, постановления: ФАС Северо-Западного округа от 29 марта 2010 г. по делу № А05-3758/2009; Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 нояб. 2014 г. № Ф04-11012/2014 по делу № А67-7212/2013.

² URL: https://rosreestr.ru/site/press/news/rabochaya-vstrecha-po-registratsii-prav-na-pamyatniki/?sphrase_id=8067875 (дата обращения: 02.02.2018). В городе-герое Волгограде в судебном порядке решалась судьба «бесхозного» памятника истории регионального значения «Памятный знак в честь воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане» (см.: решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17 мая 2011 г. по делу № 2-2733/11. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-100714438/> (дата обращения: 02.02.2018).

they really were ownerless”¹. Besides, at the present stage of information and technological development, including our state, such things appear less frequent, and the presence of those existing is more likely “an echo of bygone days” that, certainly, does not mitigate the urgent necessity to define their future, and not only the legal one. The most scandalous example, in this connection, are the objects of historical and cultural heritage regarded as “ownerless”, in particular, monuments of military history. According to the information published on the official site of the Federal Service for State Registration, “As it is well-known (hereinafter italics added – Yu. V.), in Kuban about 80 % of the memorable places and monuments dedicated to the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 aren’t registered as municipal property due to both the lack of funds for these purposes at municipalities and the complicated procedure for registration of ownerless objects in property”².

The opposite situations are also possible: when the authentic information about the owner of a thing is available, however, this person does not take measures for maintenance of this thing, and in case of infliction of harm or other adverse effects connected with the use or just existence of this thing, the caused damage cannot be collected from the person (for example, because of impossibility of his actual location identification or the time-barred requirement).

One of the main aspects of the problem of ownerlessness of things, in our opinion, consists in similar discrepancy of the legal and actual status of a certain thing. At the same time, from the position of the participants of civil circulation, the situation of de facto has high priority; *questions of the legal future of a thing arise only as a result of*

¹ Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-Western District on case No. A05-3758 / 2009 of March 29, 2010; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District No. F04-11012 / 2014 on case No. A67-7212/2013 of November 21, 2014.

² Available at: https://rosreestr.ru/site/press/news/rabochaya-vstrecha-po-registratsii-prav-na-pamyatniki/?sphrase_id=8067875 (accessed 02.02.2018). In the city of Volgograd, the future of the “ownerless” historical monument of regional importance “Memorial sign in honor of the soldiers-internationalists who died in Afghanistan” was judicially resolved (See: Resolution of the Central District Court of Volgograd on case No. 2-2733/11 of May 17, 2011. Available at: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast-s/act-100714438/> (accessed 02.02.2018).

the actual ownerlessness of this object, which, in general, agrees with legislative rules on ownerlessness of things as the possible grounds for property right to arise.

Thinking of the reasons of ownerlessness as a social phenomenon, it is obvious that, eventually, this phenomenon is caused by the lack of interest of a particular person in regard to a certain thing.

In particular, lack of (economic) interest causes, in our opinion, unwillingness of municipalities and the state to become owners of abandoned and half-ruined buildings, constructions, locations, requiring repair or dismantling, as well as periodically damaged water supply and sewer systems, monuments, spontaneous “suburban” and “country” dumps of household appliances, etc. which are also in need to be repaired or changed. The above mentioned “unwillingness” is shown by a great amount of judicial requirements to recognize the activities of the city administration to be illegal and (or) to oblige it either to register these objects as ownerless by submitting such a request to the registering body³ or to accept this or that real estate item in municipal property⁴. At the same time, the unified position of judicial authorities, concerning the obligation of acceptance in the municipal property, in particular, of such ownerless property as networks of electro, heat, gas and water-supply, water disposal is absent: a part of courts, passing the relevant decisions, mention that the current legislation “has no provisions to set a duty of acceptance of ownerless property in municipal property”⁵; the other part of law enforcement officials has a position that the local government body having authority in this

³ Resolution of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District No. F03-5540/2008 on case No. A51-19431/20047-365/23 of December 26, 2008; Resolution of the Arbitration Court of the Urals District No. F09-10599/15 on case No. A50-5612/2015 of January 25, 2016; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District No. F04-4715/2016 on case No. A75-14533/2015 of October 24, 2016; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District No. F03-6323/2016 on case No. A73-6802/2016 of February 15, 2017; Resolution of the Arbitration Court of the Volga District No. F06-26651/2017 on case No. A49-3957/2016 of November 28, 2017; Resolution of the Central District Court of Volgograd on case No. 2-2733/11 on May 17, 2011.

⁴ Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District No. F04-349/2016 on case No. A45-3144/2015 of February 26, 2016; Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District No. F01-6213/2016 on case No. A43-7490/2015 of February 7, 2017.

⁵ Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District No. F03-6323/2016 on case No. A73-6802/2016 of February 15, 2017.

свои полномочия в этой сфере, обязан принимать меры к надлежащему обслуживанию бесхозяйных сетей, учету таких сетей и их обращению в муниципальную собственность¹.

Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что формально, в силу п. 3, 4 ст. 225 ГК РФ, публично-правовые образования не обязаны обращаться в суд с заявлением о признании права муниципальной собственности либо собственности города федерального значения на «бесхозяйные» недвижимые вещи; это является их правом. То же можно сказать об обращении с заявлением о постановке вещи на учет в Росреестр². Между тем часть таких объектов имеют социальную значимость; последнее обстоятельство учитывается и правоприменителями³. В связи с этим, принимая во внимание основные функции публично-правовых образований⁴,

¹ См., например, постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа: от 24 окт. 2016 г. № Ф04-4715/2016 по делу № А75-14533/2015; от 26 февр. 2016 г. № Ф04-349/2016 по делу № А45-3144/2015.

² Как указано в одном из судебных решений, «орган местного самоуправления лишь вправе обратиться в регистрирующий орган с заявлением о постановке недвижимого имущества на учет в качестве бесхозяйного в случае наличия достоверных сведений о том, что данное имущество является бесхозяйным. Вместе с тем законодательно предписанной обязанности по обращению с таким заявлением данные нормы не содержат» (решение Центрального районного суда г. Волгограда от 17 мая 2011 г. по делу № 2-2733/11).

³ Так, отказывая в передаче одного из дел о признании незаконным решения об отказе в постановке на учет вещи в качестве бесхозяйной в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ, ВС РФ указал, что «спорные сети канализации не предназначены для нужд населения города, к ним не подключены *социально значимые объекты* (курсив наш. – Ю. В.), а предназначены для осуществления предпринимательской деятельности только заявителя, затрагивают только его экономические интересы (определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2017 г. № 304-КГ17-6641 по делу № А27-25925/2015).

⁴ В частности, в соответствии с Федеральным законом от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822), к вопросам местного значения городского округа отнесены: организация в границах городского округа электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством Российской Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 16); участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах городского округа (п. 8 ч. 1 ст. 16); сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности городского округа, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории городского округа (п. 18 ч. 1 ст. 16). Необходимость муниципалитетов при осуществлении своей деятельности, в частности при управлении муниципальным имуществом, «отстаивать интересы номинального соб-

можно было бы ратовать за необходимость обращения в суд с иском о признании права муниципальной или государственной собственности на фактически бесхозяйные *социально-значимые объекты* (водопроводные, канализационные, электрические и тепловые сети, экологически опасные объекты, памятники культуры и истории и т. п.) обязанностью (а не правом) муниципалитетов, городов федерального значения, на территории которых данные объекты находятся. Однако гораздо более действенной мерой в данной связи могло бы стать наделение правом на обращение в суд с иском о признании права муниципальной или государственной собственности на фактически бесхозяйные социально-значимые объекты любое заинтересованное лицо⁵.

Если говорить о приобретении вещей, от права собственности на которые собственники отказались либо собственники которых неизвестны, в частную собственность, то значительных проблем здесь не возникает как раз потому, что в отношении определенной вещи присутствует интерес конкретного лица (это касается и находок, и брошенных вещей, и «бесхозяйной» недвижимости). Однако если, реализуя свой интерес, субъект не «узаконит», когда это необходимо⁶, право собственности на вещь и просто вступит во владение ею, такая вещь, согласно российскому гражданскому законодательству, все равно продолжит считаться «бесхозяйной», поскольку фактический владелец (как и обладатель иного, помимо права собственности, вещного права), по смыслу п. 1 ст. 225 ГК РФ, «хозяином» вещи не признается.

На наш взгляд, такие случаи к собственно проблеме бесхозяйности вещей относиться не должны и *если вещь находится в чем-либо*

ственника – жителей муниципального образования» отмечается и специалистами в области экономики (см., например, [2, с. 86]).

⁵ В этом случае отсутствие права на иск не стало бы единственно достаточным аргументом в решении вопроса о возложении бремени содержания и ремонта экономически не самых привлекательных объектов (см.: постановление ФАС Северо-Кавказского от 20 июня 2006 г. № Ф-08-2688/06, в котором суд, мотивируя свое решение, указал на специального субъекта, обладающего правом на обращение в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, – муниципальный орган).

⁶ Это касается недвижимых вещей (необходим факт государственной регистрации права собственности на вещь), а также брошенных движимых вещей стоимостью выше пятикратного минимального размера оплаты труда и не являющихся отходами (требуется судебное решение о признании вещи бесхозяйной и признании на нее права собственности лица, вступившего во владение).

sphere is obliged to take measures in order to provide such ownerless networks with appropriate service, to register and transfer them into municipal property¹.

The current situation can be explained as follows: formally, under Clause 3, 4 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, public legal institutions are not obliged to appeal to court with a demand for recognition of the right of municipal property or city property of federal importance to “ownerless” immovable things; it is their right. The same can be said about applying for registration of a thing to the Federal Service for State Registration². Meanwhile, a part of such objects has social importance; the latter is taken into account by executors of law³. In this regard, considering all the main functions of public legal institutions⁴, it would

¹ Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District No. F04-4715/2016 on case No. A75-14533/2015 on October 24, 2016; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of No. F04-349/2016 on case No. A45-3144/2015 February 26, 2016.

² As indicated in one of the court decisions, “the local government only has the right to apply to the registering authority with a request to register immovable property as ownerless, if there is reliable information that the property is ownerless. However, the statutory duty to handle such an application does not include these provisions” (Decision of the Central District Court of Volgograd on case No. 2-2733/11 of May 17, 2011).

³ So, denying to transfer one of the cases on recognizing the decision to refuse to register things as ownerless illegal to the Court Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, the Armed Forces of the Russian Federation indicated that “disputable sewage networks are not designed for the needs of the city’s population, socially significant objects are not connected with them (italics added – Yu. V.), but are intended to carry out entrepreneurial activities of the applicant only, they affect only his economic interests” (Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2017 No. 304-KG17-6641 on case No. A27-25925/2015).

⁴ In particular, in accordance with the Federal Law No. 131-FZ “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” of October 6, 2003 (Collection of Legislative Acts of the Russian Federation, 2003. No. 40, Article 3822) heat, gas and water supply of the population, water disposal, fuel supply to the population belong to the matters of local significance within the limits of authority established by the legislation of the Russian Federation (Clause 4, Part 1, Art. 16); participation in the prevention and liquidation of the consequences of emergency situations within the boundaries of the urban district (Clause 8, Part 1, Art. 16); preservation, use and popularization of objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) owned by the urban district, protection of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of local (municipal) significance located in

be possible to stand up for necessity of recognition of appeals to the court with the claim for recognition of the right of municipal or state ownership to actually ownerless *socially significant objects* (water supply, sewer, electrical and heat systems, ecologically dangerous objects, cultural and history monuments, etc.) as a duty (but not the right) of municipalities, the federal cities, in the territory of which these objects are located. However, vesting the right to appeal to court with the claim of declaring ownership for actually ownerless socially significant objects by any interested person⁵ can be considered the more effective measure, in this connection.

As for acquisition of things the property right to which the owners have renounced or things whose owners are unknown, there do not arise any considerable problems just because there is an interest of a particular person in regard to a particular thing (it concerns findings, things thrown away, and the “ownerless” real estate). However, if realizing his interest, the subject does not “regularize” the property right to the thing when necessary⁶ and just takes possession of it, such thing, according to the Russian civil legislation, is still considered “ownerless” as the actual owner (as well as the owner of the real right, besides the property right) is not recognized as the “owner” of the thing under Clause 1, Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation.

In our opinion, such cases ought not to relate to the actual problem of thing’s ownerlessness and

the territory of the urban district (Clause 18 Part1 Art. 16). The need for municipalities to carry out their activities, in particular, in the management of municipal property, “to defend the interests of the nominal owner – residents of the municipality” is noted by specialists in the field of economics [2, p. 86]

⁵ In this case, the absence of the right to file a complaint with court would not be the only sufficient argument in resolving the issue of imposing the burden of maintenance and repair of economically not attractive objects (see: Federal Arbitration Court Resolution No. F-08-2688/06 of June 20, 2006, in which the court, motivating its decision, indicated a specific subject which has the right to apply to the court with a demand for recognition of the right of municipal property to an ownerless immovable thing – the municipal authority).

⁶ This concerns immovable things (the fact of state registration of ownership of a thing is required), as well as abandoned movable things with value more than five times the minimum wage, which are not waste (a court decision is required to declare a thing ownerless and recognize the ownership of the person who took possession of it).

фактическом владении, она не должна рассматриваться в качестве бесхозяйной.

Как известно, владение характеризуется наличием владельческой воли, т. е. отношением к вещи как к «своей собственной», намерением стать ее собственником. Исходя из этого владельцы готовы нести и несут расходы на содержание и поддержание надлежащего состояния вещи; именно потому, что, в частности, давностные владельцы – потенциальные собственники, им предоставляется право на защиту своего владения против третьих лиц (п. 2 ст. 234 ГК РФ). Отрицать в такой ситуации, что владелец является «хозяином» вещи¹, на наш взгляд, абсурдно. Не вполне адекватным является подобное понимание и с позиций реальной действительности: несмотря на то, что результаты движения благ от одних лиц к другим, как справедливо отмечается в литературе, «не должны подвергаться необоснованным сомнениям» [15, с. 93], вовлеченность в гражданский оборот² вещей, попадающих под признаки п. 1 ст. 225 ГК РФ, полагаем, возражений не вызывает, и хотя такой оборот не всегда является законным, не иметь «хозяина», быть «ничьими» фактически обрабатываемые блага при этом в любом случае не могут³.

Учитывая изложенное, *бесхозяйность вещи* следует понимать как *фактическое состояние вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором данная вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица*.

Восприятие бесхозяйности вещи как ее фактического состояния устранил противоречие между понятием бесхозяйной вещи и нормой ст. 236 ГК РФ. Согласуется оно и с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как факте (фактическом отношении) и его защите⁴, вследствие которого, полагаем, с логической необходимостью должно последовать расширение объема понятия «хозяин» – причисления к последним не только собственников, но и владельцев.

¹ Примечательным является пояснение смысла слова «хозяин», данное С. И. Ожеговым, Н. Ю. Шведовой: первым из девяти выделяемых значений является пояснение «То же, что владелец» [12, с. 865].

² Авторская позиция по вопросу о понятии гражданского оборота представлена в ряде работ, в полнотекстовом варианте имеющихся на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=507419.

³ В данной связи уместно привести замечание Е. В. Васильковского, который полагая, что бесхозяйные вещи находятся вне гражданского оборота, связывал введение их в оборот с фактическим овладением ими (см.: [4, с. 305]).

⁴ См.: подр. I разд. II ГК РФ в редакции Проекта.

Выводы

Бесхозяйность вещей как социальный феномен – явление, безусловно, негативное, экономически неоправданное, в связи с чем законодательно устанавливаются нормы, направленные на его преодоление. В их числе специальные правила ГК РФ о бесхозяйных вещах.

Однако, как показало проведенное исследование, легальное определение бесхозяйной вещи, содержащееся в норме п. 1 ст. 225 ГК РФ и связывающее бесхозяйность вещи исключительно с вопросом о праве собственности на нее, не согласуется с рядом иных нормативных положений (в частности, абз. 2 ст. 236 ГК РФ) и не отвечает потребностям современного общества, поскольку предполагает констатацию только *юридической бесхозяйности* определенной вещи. Помимо того, что с формально-юридической точки зрения таких вещей не так много, признание определенной вещи *de jure* бесхозяйной *de facto* не решает вопросов ни о юридической ответственности за возможное вредоносное воздействие со стороны таких объектов, ни о бремени их содержания и ремонта, что особенно актуально в отношении социально значимых объектов.

На наш взгляд, бесхозяйность вещи следует понимать как *фактическое состояние вещи, безотносительное к праву собственности на нее, при котором эта вещь не находится ни в чьем обладании и (или) в отношении нее отсутствует интерес со стороны конкретного лица*. При этом постановка недвижимой вещи на учет в качестве бесхозяйной, судебное решение о признании вещи бесхозяйной конститутивного значения не имеют.

Соответственно, вещь, имеющая владельца, не должна рассматриваться в качестве бесхозяйной. Кроме прочего, подобное понимание согласуется с планируемым закреплением в ГК РФ норм о владении как фактическом отношении и его защите.

В завершение отметим, что настоящая статья не претендует на исчерпывающую разработку рассмотренной темы, а сама проблема бесхозяйности вещей нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М: Статут, 1999. 712 с.
2. Бедин Б. М. К вопросу целеполагания при управлении муниципальной собственностью // Известия ИГЭА. 2009. № 1 (63). С. 83–86.
3. Вакулина Г. А. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 123 с.

if the thing is in someone's actual possession, it ought not to be considered ownerless.

As is known, possession is characterized by existence of possessory will, i. e. treating a thing as “one's own”, intention to become its owner. So, owners are ready to incur and actually incur costs to maintain a thing in an appropriate condition; only because, in particular, prescriptive owners are potential owners, they are granted the right to protect their property against the third parties (Clause 2, Art. 234 of the Civil Code of the Russian Federation). To deny the fact that the owner is the “proprietor” of a thing¹, in our opinion, is absurd in this situation. Such understanding is also not quite adequate from the positions of reality: in spite of the fact that results of the movement of benefits from one person to another, as it is fairly mentioned in the literature, “should not be exposed to unreasonable doubts” [15, p. 93], the involvement of the things falling under features of Clause 1, Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation, into civil circulation², we believe, does not cause objections and though such circulation is not always lawful, actually circulated benefits can't be³ “ownerless”, cannot be “nobody's”.

Taking into account the above mentioned, *ownerlessness of a thing* should be understood as *de facto state of a thing, irrespectively of the property right to it, when this thing is not owned by anyone and (or) there is no claim for it from a particular person*.

Considering ownerlessness of a thing as its actual state will eliminate the contradiction between the concept of an ownerless thing and the rule of Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation. It also conforms with the intended enshrining in the Civil Code of the Russian Federation of provisions on possession as a fact (the actual relation) and its protection⁴, which, we believe, should be logically followed by the expansion of the concept “owner” attributing to the latter not only owners, but also possessors.

¹ The explanation of the meaning of the word “owner” given by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova is remarkable: the first of nine mentioned meanings is the explanation “The same as the owner” [12, p. 865].

² The author's position on the concept of civil circulation can be found in a number of works, the full text of which is available on the website of scientific electronic library eLIBRARY.RU. Available at: http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=507419.

³ In this connection, it is appropriate to mention a remark of E. V. Vaskovsky, who, believing that ownerless things are beyond civil circulation, connected their introduction into circulation with factual coming in their possession [see: 4, p. 305].

⁴ See: Subsec.1, Section II of the Civil Code of the Russian Federation in the version of draft law.

Conclusion

Ownerlessness of things as a social phenomenon is, certainly, negative and economically unjustified. In this connection, provisions aimed at overcoming it are established at the statutory level. They include special rules of the Civil Code of the Russian Federation on ownerless things.

However, the conducted research shows that the legal definition of an ownerless thing contained in the rule of Clause 1 of Art. 225 of the Civil Code of the Russian Federation and connecting ownerlessness of a thing only with the issue of the property right to it does not conform with a number of other standard provisions (in particular, Paragraph 2, Art. 236 of the Civil Code of the Russian Federation) and does not meet requirements of modern society, as it assumes only legal ownerlessness of a certain thing. Besides, from the formal legal point of view, the number of such things is not large, recognition of a certain thing as ownerless *de jure*, *de facto* resolves problems of neither legal liability for possible harm caused by such objects, nor the burden of their maintenance and repair, which it is especially important with regard to socially significant objects.

In our opinion, ownerlessness of a thing should be understood as *de facto state of a thing* irrespectively of the property right to it, under which this thing is not in anyone's possession and (or) there is no claim for it on the part of a particular person. At the same time, registration of an immovable thing as ownerless and adjudication about considering the thing ownerless have no constitutive meaning.

Consequently, a thing having an owner should not be considered ownerless. Furthermore, such an understanding conforms with the intended enshrining of provisions on possession as the actual relation and its protection in the Civil Code of the Russian Federation.

In conclusion, we should mention that the present article does not claim to be an exhaustive study of the subject under consideration, and the problem of ownerlessness of things needs a further research.

References

1. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: Basis – Theory – Philosophy: Experience of Complex Research]. Moscow, 1999. 712 p. (In Russ.).
2. Bedin B. M. *K voprosu tselepolaganiya pri upravlenii munitsipal'noy sobstvennost'yu* [About the Determination of the Objective in the Mu-

4. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
5. Знаменский С. Бесхозяйное и бесхозяйственное имущество // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 24. С. 728–730.
6. Игнатьева И. А. Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 164–177.
7. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.
8. Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствами (в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения) // Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнФОР, 2003. С. 176–666.
9. Кляус Н. В. Признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь по ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 38–41.
10. Ласкина Н. В., Никулинская Н. Ф., Рогалева М. А., Яковенко Е. В. Комментарий к подразделу IV «Особое производство» раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 831 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
13. Петров Д. А. Объекты электросетевого хозяйства как бесхозяйные вещи [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/111827> (дата обращения: 08.01.2018).
14. Пободоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вещные права. М.: Статут, 2002. 800 с.
15. Райников А. С. Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 сент. 2014 г.) / под ред. Н. П. Асланын, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 93–96.
16. Рудов М. В. Системные недостатки правового регулирования приобретения права собственности по давности владения, на бесхозяйные вещи и выморочное имущество применительно к возникновению доли в праве долевой собственности // Имущественные

- отношения в Российской Федерации. 2017. № 1. С. 85–91.
17. Семенов Д. О. Перенос границ эксплуатационной ответственности по инициативе собственника нежилого здания // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 3. С. 67–75.
18. Сергеев А. П. Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственно содержимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. 24 с.
19. Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Выморочные наследства. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 125 с.
20. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
21. Voirin P., Goubeaux G. Droit civil. T. 1. 32 edition. Paris: LGDJ, 2009. 792 p.

References

1. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofia: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: Basis – Theory – Philosophy: Experience of Complex Research]. Moscow, 1999. 712 p. (In Russ.).
2. Bedin B. M. *K voprosu tselepolaganiya pri upravlenii munitsipal'noy sobstvennost'yu* [About the Determination of the Objective in the Municipal Property Management]. *Izvestiya IGEA – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2009. Issue 1(63). Pp. 83–86. (In Russ.).
3. Vakulina G. A. *Pravovoe regulirovanie rynka tsennykh bumag: ucheb. posobie* [Legal Regulation of the Securities Market: Training Manual]. Irkutsk, 2003. 123 p. (In Russ.).
4. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of Civil Law]. Moscow, 2003. 382 p. (In Russ.).
5. Znamenskiy S. *Beskhoyaynoe i beskhoyaystvennoe imushchestvo* [Ownerless and Mismanaged Property]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii – Weekly of Soviet Justice*. Moscow, 1927. Issue 24 (June 22). Pp. 728–730. (In Russ.).
6. Ignat'eva I. A. *Pravovoe obespechenie likvidatsii nakoplennoego vreda okruzhayushchey srede* [Legal Support for the Elimination of Accumulated Environmental Damage]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2017. Issue 2. Pp. 164–177. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy: v 4 t. Tom II. Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Selectas: in 4 vols. Vol. II Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2004. 511 p. (In Russ.).
8. Kavelin K. D. *Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam (v primeneni k russkomu zakonodatel'stvu: Opyt sistematicheskogo obozreniya)* [Rights and Duties over

- municipal Property Management]. *Izvestiya IGEA – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2009. Issue 1(63). Pp. 83–86. (In Russ.).
3. Vakulina G. A. *Pravovoe regulirovanie rynka tsennykh bumag: ucheb. posobie* [Legal Regulation of the Securities Market: Training Manual]. Irkutsk, 2003. 123 p. (In Russ.).
4. Vas'kovskiy E. V. *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Textbook of Civil Law]. Moscow, 2003. 382 p. (In Russ.).
5. Znamenskiy S. *Beskhoyaynoe i beskhoyaystvennoe imushchestvo* [Ownerless and Mismanaged Property]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii – Weekly of Soviet Justice*. Moscow, 1927. Issue 24 (June 22). Pp. 728–730. (In Russ.).
6. Ignat'eva I. A. *Pravovoe obespechenie likvidatsii nakoplennoego vreda okruzhayushchey srede* [Legal Support for the Elimination of Accumulated Environmental Damage]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2017. Issue 2. Pp. 164–177. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy: v 4 t. Tom II. Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Selectas: in 4 vols. Vol. II Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2004. 511 p. (In Russ.).
8. Kavelin K. D. *Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam (v primeneni k russkomu zakonodatel'stvu: Opyt sistematicheskogo obozreniya)* [Rights and Duties over Properties and Warranties (in application to Russian Legislation: Experience of Systematic Review)]. *Kavelin K. D. Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, 2003. Pp. 176–666. (In Russ.).
9. Klyaus N. V. *Priznanie prava sobstvennosti na beskhoyaynyuyu nedvizhimuyu veshch' po GPK RF* [Declaration of Title to Ownerless Real Thing under the Code of Civil Procedure of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 2017. Issue 1. Pp. 38–41. (In Russ.).
10. Laskina N. V., Nikulinskaya N. F., Rogaleva M. A., Yakovenko E. V. *Kommentariy k podrazdelu IV «Osoboe proizvodstvo» razdela II Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. No. 138-FZ (postateynnyy)* [Commentary to Subsection IV “Special Proceedings” of Section II of the Civil Procedural Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (article by article)]. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”. (In Russ.).

11. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, 2000. 831 p. (In Russ.).
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).
13. Petrov D. A. *Ob'ekty elektrosetevogo khozyaystva kak beskhoyaynye veshchi* [Objects of Transmission Facilities as Ownerless Things]. Available at: <http://ppt.ru/news/111827> (accessed 08.01.2018). (In Russ.).
14. Pobodonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [Course on Civil Law. Part I: Patrimonial Rights]. Moscow, 2002. 800 p. (In Russ.).
15. Raynikov A. S. *Stabil'nost' grazhdanskogo oborota: kontury sudebnoy praktiki* [Stability of Civil Circulation: Contours of Judicial Practice]. *Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki: materialy 3-y ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 19–20 sent. 2014 g.); pod red. N. P. Aslanyan, Y. V. Vinichenko* [Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice: Materials of the 3rd Annual International Scientific-Practical Conf. (Irkutsk, September 19–20, 2014); ed. by N. P. Aslanyan, Y. V. Vinichenko]. Irkutsk, 2014. Pp. 93–96. (In Russ.).
16. Rudov M. V. *Sistemnye nedostatki pravovogo regulirovaniya priobreteniya prava sobstvennosti po давности владения, на бесхозяйные вещи и выморочное имущество применительно к возникновению доли в праве долевой собственности* [Systemic disadvantages of legal system regulation of acquisition of ownership by prescription ownership, to ownerless things and escheat applied in law shared ownership]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 2017. Issue 1. Pp. 85–91. (In Russ.).
17. Semenov D. O. *Perenos granits ekspluatatsionnoy otvetstvennosti po initsiative sobstvennika nezhilogo zdaniya* [Transfer of Boundaries of Operational Responsibility on the Initiative of the Owner of Non-Residential Premises]. *Zhizlichno-kommunal'noe khozyaystvo: bukhgalterskiy uchet i nalogoblozhenie – Housing and Communal Utilities: Accounting and Taxation*. 2017. Issue 3. Pp. 67–75. (In Russ.).
18. Sergeev A. P. *Pravovoy rezhim beskhoyaynogo i beskhoyaystvenno soderzhimogo imushchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regime of Ownerless and Mismanaged

- Properties and Warranties (in application to Russian Legislation: Experience of Systematic Review)]. Kavelin K. D. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, 2003. Pp. 176–666. (In Russ.).
9. Klyaus N. V. *Priznanie prava sobstvennosti na beskhozyaynyuyu nedvizhimuyu veshch' po GPK RF* [Declaration of Title to Ownerless Real Thing under the Code of Civil Procedure of the Russian Federation]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* – Arbitrazh and Civil Procedure. 2017. Issue 1. Pp. 38–41. (In Russ.).
 10. Laskina N. V., Nikulinskaya N. F., Rogaleva M. A., Yakovenko E. V. *Kommentariy k podrazdelu IV «Osoboe proizvodstvo» razдела II Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. No. 138-FZ (postateyny)* [Commentary to Subsection IV “Special Proceedings” of Section II of the Civil Procedural Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (article by article)]. Access from the legal reference system “ConsultantPlus”. (In Russ.).
 11. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, 2000. 831 p. (In Russ.).
 12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).
 13. Petrov D. A. *Ob'ekty elektrosetevogo khozyaystva kak beskhozyaynye veshchi* [Objects of Transmission Facilities as Ownerless Things]. Available at: <http://ppt.ru/news/111827> (accessed 08.01.2018). (In Russ.).
 14. Pobedonostsev K. P. *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [Course on Civil Law. Part I: Patrimonial Rights]. Moscow, 2002. 800 p. (In Russ.).
 15. Raynikov A. S. *Stabil'nost' grazhdanskogo oborota: kontury sudebnoy praktiki* [Stability of Civil Circulation: Contours of Judicial Practice]. *Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki: materialy 3-y ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 19–20 sent. 2014 g.)*; pod red. N. P. Aslanyan, Y. V. Vinichenko [Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice: Materials of the 3rd Annual International Scientific-Practical Conf. (Irkutsk, September 19–20, 2014); ed. by N. P. Aslanyan, Y. V. Vinichenko]. Irkutsk, 2014. Pp. 93–96. (In Russ.).
 16. Rudov M. V. *Sistemnye nedostatki pravovogo regulirovaniya priobreteniya prava sobstvennosti po давности владения, na beskhozyaynye veshchi i vymorochnoe imushchestvo primenitel'no k vozniknoveniyu doli v prave dolevoy sobstvennosti* [Systemic disadvantages of legal system regulation of acquisition of ownership by prescription ownership, to ownerless things and escheat applied in law shared ownership]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* – Property Relations in the Russian Federation. 2017. Issue 1. Pp. 85–91. (In Russ.).
 17. Semenov D. O. *Perenos granits ekspluatatsionnoy otvetstvennosti po initsiative sobstvennika nezhilogo zdaniya* [Transfer of Boundaries of Operational Responsibility on the Initiative of the Owner of Non-Residential Premises]. *Zhizlishchno-kommunal'noe khozyaystvo: bukhgalterskiy uchet i nalogooblozhenie* – Housing and Communal Utilities: Accounting and Taxation. 2017. Issue 3. Pp. 67–75. (In Russ.).
 18. Sergeev A. P. *Pravovoy rezhim beskhozyaynogo i beskhozyaystvenno soderzhimogo imushchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regime of Ownerless and Mismanaged Property: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1982. 24 p. (In Russ.).
 19. Khaskel'berg B. L., Rovnyy V. V. *Vymorochnye nasledstva: monografiya* [Escheated Property: Monograph]. Irkutsk, 2013. 125 p. (In Russ.).
 20. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course on Civil Law]. Tula, 2001. 720 p. (In Russ.).
 21. Voirin P., Goubeaux G. *Droit civil* [Civil Law]. Vol. I. 32nd ed. Paris, 2009. 792 p. (In French).
 - Property: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1982. 24 p. (In Russ.).
 19. Khaskel'berg B. L., Rovnyy V. V. *Vymorochnye nasledstva: monografiya* [Escheated Property: Monograph]. Irkutsk, 2013. 125 p. (In Russ.).
 20. Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course on Civil Law]. Tula, 2001. 720 p. (In Russ.).
 21. Voirin P., Goubeaux G. *Droit civil* [Civil Law]. Vol. I. 32nd ed. Paris, 2009. 792 p. (In French).
- ### References in Russian
1. Алексеев С. С. *Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования*. М.: Статут, 1999. 712 с.
 2. Бедин Б. М. К вопросу целеполагания при управлении муниципальной собственностью // *Известия ИГЭА*. 2009. № 1 (63). С. 83–86.
 3. Вакулина Г. А. *Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учеб. пособие*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. 123 с.
 4. Васильковский Е. В. *Учебник гражданского права*. М.: Статут, 2003. 382 с.
 5. Знаменский С. Бесхозяйное и бесхозяйственное имущество // *Еженедельник советской юстиции*. 1927. № 24. С. 728–730.
 6. Игнатьева И. А. Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // *Российский юридический журнал*. 2017. № 2. С. 164–177.
 7. Иоффе О. С. *Избранные труды: в 4 т. Т. II. Советское гражданское право*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.
 8. Кавелин К. Д. *Права и обязанности поимуществам и обязательствами (в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения)* // Кавелин К. Д. *Избранные произведения по гражданскому праву*. М.: Центр ЮрИнФор, 2003. С. 176–666.
 9. Кляус Н. В. Признание права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь по ГПК РФ // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 1. С. 38–41.
 10. Ласкина Н. В., Никулинская Н. Ф., Рогалева М. А., Яковенко Е. В. *Комментарий к подразделу IV «Особое производство» раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный)* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 11. Мейер Д. И. *Русское гражданское право*. М.: Статут, 2000. 831 с.
 12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
 13. Петров Д. А. *Объекты электросетевого хозяйства как бесхозяйные вещи* [Электронный ресурс]. URL: <http://ppt.ru/news/111827> (дата обращения: 08.01.2018).
 14. Победоносцев К. П. *Курс гражданского права. Первая часть: Вotchинные права*. М.: Статут, 2002. 800 с.
 15. Райников А. С. *Стабильность гражданского оборота: контуры судебной практики // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 3-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 19–20 sent. 2014 г.) / под ред. Н. П. Аслания, Ю. В. Виниченко*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 93–96.
 16. Рудов М. В. *Системные недостатки правового регулирования приобретения права собственности по давности владения, на бесхозяйные вещи и выморочное имущество применительно к возникновению доли в праве долевой собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2017. № 1. С. 85–91.
 17. Семенов Д. О. *Перенос границ эксплуатационной ответственности по инициативе собственника нежилого здания // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение*. 2017. № 3. С. 67–75.
 18. Сергеев А. П. *Правовой режим бесхозяйного и бесхозяйственно содержимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Л., 1982. 24 с.
 19. Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. *Выморочные наследства*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 125 с.
 20. Шершеневич Г. Ф. *Курс гражданского права*. Тула: Автограф, 2001. 720 с.
 21. Voirin P., Goubeaux G. *Droit civil*. Т. 1. 32 edition. Paris: LGDJ, 2009. 792 p.